

А. Доватур

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В «АФИНСКОЙ ПОЛИТИИ» АРИСТОТЕЛЯ

Особое место среди произведений Аристотеля занимают «Политии». Они были предназначены, как это давно уже выяснено, не для школы, а для широких читательских кругов. В сущности, «Политии» представляли собой первую в мировой (или, во всяком случае, в европейской) литературе научно-популярную серию.

При изучении «Политий» как своеобразного историографического жанра нельзя упускать из виду отмеченную их особенность. Именно обращенность к читающей публике может объяснить нам как общий характер «Политий», так и значительное отличие их языка и стиля от языка и стиля так называемых акроаматических произведений Аристотеля.

В частности, судя по сохранившейся «Афинской политике», не было полного совпадения между социальной и политической терминологией в «Политиях», с одной стороны, и в «Политике» (а отчасти и в других сочинениях Аристотеля)— с другой.

Слово *полιτεία*, часто встречающееся в «Афинской политике», получило в греческом языке к IV в. разнообразные значения, большая часть которых отразилась и в трактате Аристотеля.

Прежде всего, слово это употреблено в заглавии «Афинской политики», вернее—в заглавиях всех «Политий». Мы не имеем строгого доказательства в пользу того, что заглавия эти идут от Аристотеля¹, однако вся античность уже очень рано, возможно с конца IV в. (Филохор)², знала эти заглавия, что дает нам некоторое право приписывать их самому автору. Самое содержание «Политий» показывает, что под словом *полιτεία* в заглавиях их разумелся государственный строй, историю и систему которого давала каждая отдельная «Полития» применительно к тому или иному отдельному государству.

Само собой разумеется, что и в тексте «Афинской политики» *полιτεία* в значительном количестве случаев означает государственный строй. При этом иногда значение слова расширяется: оно обозначает не только государственный строй в узком смысле, но и общий порядок, уклад госу-

¹ Читаемые в конце «Никомаховой этики» слова *εἴτα ἐκ τῶν συνηγμένων πολιτειῶν θεωρεῖται τὰ ποῖα σώζει καὶ φθείρει τὰς πόλεις*, если они не являются позднейшей вставкой, относятся скорее к «Политике»— см. В. Бузескул, «Афинская политика» Аристотеля, как источник для истории государственного строя Афин до конца V в., Харьков, 1895, стр. 101.

² См. Керуол², стр. XVI слл.; Sandys², стр. XXVIII; Бузескул, ук. соч., стр. 95 слл.

дарственной жизни, включая и социальные отношения. Так, по поводу состояния Атики перед реформами Солона сказано: *τὴν γὰρ αὐτῶν ἡ πολιτεία τοῖς τε ἄλλοις ὀλιγαρχικῇ πᾶσι, καὶ δὴ καὶ ἐδοῦλεύον οἱ πένητες τοῖς πλουσίοις* (2,2); государственный строй определяется как олигархический и далее, посредством *καὶ δὴ καὶ* («и в частности») к этой общей характеристике присоединяется одна важная деталь — порабощение бедных богатыми, выходящая за пределы собственно конституции и вводящая нас в социальные отношения того времени. И дальше — для народных масс самым тяжким и горьким в государственном укладе было их порабощенное состояние — *χαλεπώτατον μὲν οὖν καὶ πικρότατον ἦν τοῖς πολλοῖς τῶν κατὰ τὴν πολιτείαν τὸ δουλεύειν* (2,3); ничего не изменится, если мы предпочтем чтению Кайбеля — Вилламовица *τὸ δουλεύειν* чтение Бласса *τὸ τῆς γῆς μὴ κρατεῖν*. Вообще, в рассказе о Солоне *πολιτεία* имеет преимущественно этот широкий смысл, так как обозначает не только все то, что относится к государственным органам, но и более широкую область социальных отношений. В установленных Солоном государственных порядках Аристотель усматривает три наиболее демократических элемента — *δοκεῖ δὲ τῆς Σόλωνος πολιτείας τρία ταῦτ' εἶναι: τὰ δημοτικώτατα* (9,1), причем на первом месте названа чисто социальная мера — запрещение отдавать в долг под залог тела. Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что в «Афинской политике» нет резкой границы между *πολιτεία* и *νόμοι*. Перечислив наиболее демократические элементы солоновского строя, Аристотель дает следующую заключительную формулу: *ἐν μὲν οὖν τοῖς νόμοις ταῦτα δοκεῖ θεῖναι δημοτικά* (10,1), т. е. то, что выше названо *πολιτεία*, здесь отнесено к законам, *νόμοι*. Между этими двумя областями нет и не могло быть непроходимой грани, так как некоторые из известных нам законов имели своим содержанием именно то, что, по учению «Политики», которая разграничивает понятия *νόμοι* и *πολιτεία*, относится к области последней. «Конституция (*πολιτεία*) есть существующая в государствах организация государственных должностей — как они распределены, кто стоит во главе государства и какова цель каждой общины; законы же отличны от принципов государственного устройства, согласно им должны править должностные лица и принимать меры против их нарушителей» (VI(IV), 1,5, 1289 a, 15 sqq.). Закон Солона устанавливал правило, согласно которому должность казначея могли занимать только пентакосомедимны (Resp. Ath., 8,1), а это уже область конституции. Известное место из «Политики» — *Δράκοντος δὲ νόμοι μὲν εἰσὶ, πολιτεία δ' ὑπαρχούσῃ τοῖς νόμοις ἐθῆκεν* (II, 9,9, 1274 b, 15 sq.) — означает только то, что законы Драконта не касались государственного устройства (ср. то же о Питтаке — там же, 18 sq.; ср. также — II, 9,1, 1273 b, 32 sqq.). Так или иначе, всякий раз, как мы встречаемся в истории Солона со словом *πολιτεία* (Resp. Ath., 7, 1, 2), мы вправе придавать ему тот широкий смысл, о котором говорилось выше. Особенно показательно в этом отношении то место, где Аристотель требует, чтобы законы Солона толковались не на основании условий IV в. — *ἐκ τῶν νῦν γιγνομένων* —, а на основании политической обстановки времен Солона — *ἐκ τῆς ἄλλης πολιτείας* (9,2). С полной уверенностью мы можем говорить о еще большем расширении значения слова *πολιτεία* («политическая жизнь») в следующем месте: о бурном характере политической жизни в Афинах в ту пору, когда жил и действовал Ферамен, сказано — *διὰ τὸ συμβῆναι κατ' αὐτὸν παραχόδους τὰς πολιτείας* (28,5).

Гораздо чаще *πολιτεία* означает в «Афинской политике» государственный строй, конституцию в собственном смысле. Безусловно такое значение имеет это слово в том месте, где говорится об окончательном установлении демократии после падения Тридцати — *τὴν [νῦν] οὖσαν πολιτείαν* (41,1) — ведь дальше речь идет о действовавшей в IV в. конституции. Иногда

в том же смысле употребляется выражение *τάξις τῆς πολιτείας* (3,1), *τάξις ἐν τῇ πολιτείᾳ* (5,1)³, или просто *τάξις* (4,1); ср. выражение *διέταξε τὴν πολιτείαν* (7,2; 11,1; 29,5). 1; Встречается в «Афинской политике» и выражение *κατάστασις τῆς πολιτείας* (42,1) и просто *κατάστασις* (11,2), имеющее, впрочем, более широкий смысл; ср. выражение *πολιτείαν κατέστησε* (7,1; 29,1). Единственно возможным смыслом слова *πολιτεία* является «конституция, государственный строй» и в рассказе о государственных переворотах V в., например, — *συνισταμένους ἐπὶ καταλύσει τῆς πολιτείας* — «объединяющихся для ниспровержения (существующего) государственного строя» (25,3). С появлением на политической арене Перикла государственный строй Афин стал более демократическим — *δημοτικωτέραν ἔτι συνέβη γενέσθαι τὴν πολιτείαν* (27,1). Ферамена обвиняют в том, что он губил всякий государственный строй — *πάσας τὰς πολιτείας καταλύειν* (28,5). «Тридцать», став господами в государстве, пренебрегали постановлениями, принятыми относительно государственного устройства, *τὰ δόξαντα περὶ τῆς πολιτείας παρώρων* (35,1). Нет смысла приводить все примеры⁴. Упомянем лишь о сочетаниях *πάτριος πολιτεία* (34,3; 35,2) и *ἀναγράφειν* с прямым дополнением *πολιτείαν* (30,1; 31,1; 32,1).

Наряду с такими, наиболее частыми значениями, слово *πολιτεία* может иметь в «Афинской политике» значение, приближающееся к понятию «верховная власть», «верховное руководство государственными делами»: *ἀποδίδους τῷ πλῆθει τὴν πολιτείαν* (20,1) — «отдавая верховную власть народной массе»; *τούτους μὲν οὖν ἀφείλετο τὴν πολιτείαν ὁ δῆμος* (34,1) — «народ отнял у них верховную власть» (о падении режима Четырехсот); *τῶν ἱππέων τῶν ἐχόντων ἐν Ἐρετρίᾳ τὴν πολιτείαν* (15,2) — сказано о всадниках, державших в своих руках верховную власть в Эретрии. Близки к этому те случаи, где слово *πολιτεία* служит для обозначения государственных дел. Солон был поставлен во главе государственных дел — *τὴν πολιτείαν ἐπέτρεψαν αὐτῷ* (5,2). О верховном положении Ареопага говорится *ἐπίσκοπος οὖσα τῆς πολιτείας* (8,4). Народ, держа в своих руках решение судебных дел, становится руководителем в политике — *κύριος γίγνεται τῆς πολιτείας* (9,1). Эфялыт считался неподкупным и справедливым в государственных делах — *πρὸς τὴν πολιτείαν* (25,1). Не всегда можно провести четкую грань между разными оттенками значения интересующего нас слова, но по поводу отдельных мест вполне законны колебания и сомнения, однако еще в ряде случаев есть основание придавать слову *πολιτεία* отмеченный выше смысл (27, 1,2; 28,1,5; 29,5).

Иногда контекст вполне ясно подсказывает нам для слова *πολιτεία* значение — гражданские права, обладание гражданскими правами, принадлежность к гражданству. После изгнания тиранов оказалось, что многие обладали гражданскими правами неправильно — *πολλῶν κοινωνούντων τῆς πολιτείας οὐ προσήκον* (13,5). Клефен разделил всех на десять фил, желая перемешать всех, с тем чтобы больше народа вошло в состав гражданства — *ὅπως μετάρχωσι πλείους τῆς πολιτείας* (21,2; другие примеры — 40,2; 42,1). Наряду с декретами о даровании прав проксена — *προξενίαι*, во второй части «Афинской политики» упоминаются декреты о даровании прав гражданства — *πολιτεῖαι* (54,3). В трех местах можно усмотреть более конкретное значение интересующего нас слова — состав граждан, совокупность граждан. Согласно конституции Драконта, Совет пополнился определенным образом — *ἐκ τῆς πολιτείας* (4,3), т. е. из состава гражданства. Противники Ферамена провели меру, в результате которой он ока-

³ См. Sandys, ad loc.

⁴ См. еще 4,1; 13,3,4; 22,1; 24,2; 25,1,2; 26,1; 29,1,3,5; 32,3; 33,1; 35,2.

зался вне гражданства — ἔξω... τῆς πολιτείας (37,1). В рассказе о правлении Тридцати упоминаются те, кто был в составе гражданства — τῶν ἐν τῇ πολιτείᾳ (38,2).

Сравнение со словоупотреблением авторов второй половины V в. и современных Аристотелю приводит к заключению о том, что в «Афинской политике» отражены хорошо известные, обычные для IV в. значения слова πολιτεία. В смысле общий строй, уклад государственной жизни слово это встречается, например, в первых строках Псевдо-Ксенофоновой «Афинской политики» (20-е годы V в. до н. э.), также у Демосфена (XXII, 30). Едва ли требуется доказывать, что слово πολιτεία означало конституцию государства; если бы все же потребовались примеры, то можно было бы назвать Фукидида (II, 37,1), Платона (Resp., IV, 445 C; VIII, 544 B; 550 C; Pol., 301 A; Leg., III, 693 D; VI, 756 E; Crit., 109 D), Ксенофонта (Hell., II, 3, 24,32), Лисия (XX, 9; XXV, 8; XXVI, 9), Демосфена (XIX, 184; XX, 108), Эсхина (I, 38; II, 131); а из текстов документального характера — договор, заключенный Афинами с другими греческими государствами при основании второго морского союза в 378/377 г. (Syll³, 147, 20 — πολιτ[ε]υομένων πολιτείαν ἣν ἂν βόληται. Государственные дела, занятие ими обозначаются словом πολιτεία у Ксенофонта (Mem., III, 9,15), у Демосфена (XVIII, 222, 229, 292, 317, глагол πολιτεύεσθαι в соответственном значении — VIII, 69; XVIII, 173), у Эсхина (III, 150). Под этим словом разумеются гражданские права у Геродота (IX, 34), Фукидида (VI, 104, 2), Ксенофонта (Hell., I, 1,26; 2,10; IV, 4,6), Демосфена (XXIII, 89, 127, 151, 200, 201), в почетных декретах. Πολιτεία в смысле гражданство, совокупность граждан встречается у Демосфена (XXV, 63). Все эти параллели показывают, что в «Афинской политике» мы находим все те оттенки значения слова πολιτεία, какие оно имело не только в литературе, но и в речах, обращенных к широким слоям гражданства.

Обратившись к «Политике» Аристотеля, мы найдем там для слова πολιτεία все те значения, какие встретились нам в «Афинской политике», — государственный строй вообще (например, III, 1, 1, 1274 b, 38; имеется и выражение τῆς πολιτείας ἡ τάξις — II, 7, 3, 1272 a, 3), государственные дела (например, IV (VII), 8, 4, 1329, 13 sq.), права гражданства (например, II, 5,5, 1262 a, 23 sq.), вся совокупность граждан (например, VI (IV), 4, 6, 1292 a, 33 sq.).

Заслуживает внимания еще один пункт совпадения между «Политикой» и «Афинской политией». В ряде своих речей Демосфен говорит о своей политике, разумея под этим свою политическую деятельность⁵. У Эсхина находим выражение τῇ Κλεοφῶντος πολιτείᾳ (III, 150). Выражение «полития такого-то» в смысле государственная деятельность определенного лица было, надо думать, довольно распространенным. Это выражение мы не встретим ни в «Политике», ни в «Афинской политике», хотя поводов употребить его имеется в обоих произведениях более чем достаточно. В «Реторике» Аристотель, воспроизводя одно высказывание Демосфена, сказал о политической деятельности Демосфена ἡ Δημοσθένους πολιτεία (II, 24,1401b, 33), но никаких параллелей к этому месту Index Aristotelicus не дает. Зато Аристотель не избегает употребления глагола πολιτεύεσθαι в смысле «заниматься политикой». В «Политике» находим ἡδίων αὐτοῖς (i. e. τοῖς γεωργοῦσι) τὸ ἐργάζεσθαι τοῦ πολιτεύεσθαι καὶ ἄρχειν (VII(VI), 2,1, 1318b, 14 sq.) — «им (занимающимся земледелием) приятнее работать, чем заниматься политикой и управлять»; в другом месте частные лица — τοῖς ἰδιώταις — противопоставляются занимающимся общественными делами и политикой — τοῖς τὰ κοινὰ πράττουσι καὶ πολιτευομένοις

⁵ Dem., XVIII, 93, 222, 229, 317; XIX, 322; XXV, 32.

(IV (VII), 2,4, 1324b, 1)⁶. Таким же образом и в «Афинской политике» говорится о Никии, Фукидиде и Ферамене, как о наилучших из политических деятелей — τῶν Ἀθήνησι πολιτευσαμένων (28,5) — нового времени. Из этого широкого значения глагола πολιτεύεσθαι к IV в. развилось другое, более узкое, значение — применительно к какому-нибудь одному политическому выступлению, одной политической мере. В «Афинской политике» Архин удостоен похвалы за то, что он сократил срок подачи заявлений желавшим переселиться из Афин в Элевсин после падения тирании Тридцати — καὶ δοκεῖ τοῦτό γε πολιτεύεσθαι καλῶς Ἀρχίνος (40,2). В связи с этим напомним, что в любопытном отрывке, сохранившемся среди произведений Плутарха (De unius in republica dominatione etc.), дается обзор разных значений слова πολιτεία — государственный уклад (1,826 c), конституция (3,826 d—e), права гражданства (2,826 c), указывается и государственная деятельность отдельного человека с такими примерами τὴν Περικλέους πολιτείαν ἐπαινοῦμεν καὶ τὴν Βιάντος, φέγομεν δὲ τὴν Ὑπερβόλου καὶ Κλέωνος (2,826b); наконец, выделено и специфическое значение существительного и глагола для обозначения отдельного политического акта: «Некоторые и отдельную целесообразную в государственном отношении и выдающуюся меру называют политией, например, пожертвование денег, прекращение войны, внесение проекта постановления; в соответствии с этим мы говорим, что такой-то сегодня выступил в политике, если оказалось, что он совершил нечто надлежащее в области общественных дел» (там же).

Мы проследили черты сходства в употреблении слова «полития» в «Афинской политике» и в «Политике». Имеется, однако, и одно очень существенное отличие, на котором следует остановиться дольше. Строя в «Политике» свою классификацию форм правления, философ одну из этих форм называет политией — πολιτεία⁷. Последняя занимает у него определенное место среди правильных форм. Демократия, по учению Аристотеля, является отклонением от п о л и т и и, подобно тому как отклонением от монархии является тирания, а отклонением от аристократии — олигархия (III, 5, 4, 1279b, 4 sqq.). К вопросу о п о л и т и и Аристотель не раз возвращается в «Политике». Общая характеристика политики такова: правление большинства с целью общей пользы — ὅταν δὲ τὸ πλῆθος πρὸς τὸ κοινὸν πολιτεύηται συμφέρον, καλεῖται τὸ κοινὸν ὄνομα πασῶν τῶν πολιτειῶν, πολιτεία (III, 5, 2, 1279a, 37 sqq.). По своему характеру эта форма правления представляет собой смесь олигархии с демократией⁸. Это краткое определение развивается затем в довольно пространным рассуждении (VI (IV), 7, 1294a, 30 sqq.). Неправильное смещение того и другого элемента ведет политику к гибели (VIII (V), 6, 3, 1307a, 5 sqq.). Существенным признаком п о л и т и и, отличающим ее от демократии, является господство законов — ὅπου γὰρ μὴ νόμοι ἄρχουσιν, οὐκ ἔστι πολιτεία (VI (IV), 4, 7, 1292a, 32). Формальный ее признак — тот, что полнота гражданских прав принадлежит людям, способным приобрести тяжелое

⁶ Другие примеры см. Н. Bonitz, Index Aristotelicus, B., 1955, s. v. πολιτεύεσθαι.

⁷ W. O n s k e n, Die Staatslehre des Aristoteles, II, Lpz, 1875, стр. 155 сл.; R. D a r e s t e La science du droit en Grèce, P., 1893, стр. 258 сл.; Th. G o m p e r z, Griechische Denker, III, Lpz, 1909, стр. 286 сл.; С. Ф. К е ч е к њ я н, Учение Аристотеля о государстве и праве, М.—Л., 1947, стр. 109 сл.; А. К. Б е р г е р, Социально-политическое мировоззрение Аристотеля, «Исторический сборник (Горьковский гос. педагогический ин-т)», Горький, 1939, стр. 130. Рассматривает «полис гоппитов» (т. е. аристотелевскую политику) как разновидность олигархии V. E h r e n b e r g, Der Staat der Griechen, Lpz., 1957, стр. 36.

⁸ A r i s t., Polit., VI (IV), 6,2, 1293b, 33 sq.; ср. II, 3, 9, 1265b, 27 sqq.

вооружение на свои средства⁹. Принципу *п о л и т и и*, как и принципу демократии, в больших государствах соответствует (*πολιτικώτερον καὶ δημοτικώτερον*) привлечение к занятию государственных должностей возможно большего числа людей (II, 8, 8, 1273b, 12 sqq.). Полития характеризуется также способом замещения должностей (VI (IV), 12, 12, 1300a, 34 sqq.), способом пополнения и функциями законодательных органов (VI (IV), 11, 7, 1298b, 8 sqq.), правом большинства выносить постановления и правом меньшинства налагать veto (VI (IV), 11, 10, 1298 b, 38 sqq.). Полития бывает устойчивой тогда, когда средние слои своей численностью превосходят либо обе социальные крайности, либо хотя бы одну из них (VI (IV), 10, 4, 1296 b, 38 sqq.; ср. VIII (V), 6, 4, 1307 a, 15 sqq.). Отмечается редкость *п о л и т и й* в реальной жизни (VI, (IV), 9, 12, 1296 b, 36 sqq.), существование *п о л и т и й* разных оттенков (VI (IV), 11, 7, 1298b, 8 sqq.; VII (VI), 1, 1, 1317a, 1 sqq.), возможность при известных условиях перехода политии в демократию (VIII (V), 2, 7, 1303a, 1 sqq.; 7,7 1308b, 6 sqq.) и других форм в политию (VIII(V), 3,5, 1303b, 17 sqq.; 7,7 1308 b, 6 sqq.); отдаленность связанной с городом территории от самого города рассматривается как условие, благоприятное для установления «честной» демократии или *п о л и т и и* (VII (VI), 2, 8, 1319a, 32 sqq.). Аристотель не боится в одной и той же фразе употребить слово *πολιτεία* в двух разных смыслах — общем (государственное устройство) и специфическом (определенный вид государственного устройства), так как разработанное им понятие *п о л и т и и* исключает возможность недоразумения (например, VI (IV), 6, 5, 1294a, 26 sqq.).

В «Никомаховой этике» Аристотель указывает, что термин «полития» обычно обозначают одну из правильных (наряду с монархией и аристократией) форм правления, характеризующуюся цензовым принципом, хотя вернее ее следовало бы называть тимократией (Eth. Nic., VIII, 10, 1, 1160a, 33 sqq.). Таким образом, оказывается, что термин «полития» существовал до Аристотеля и имел определенное значение. Аристотель в «Этике» отвергает этот термин. В «Политике» он его принимает, но придает ему новое значение: полнота гражданских прав в политии принадлежит людям, способным вооружиться на свой счет. В подтверждение можно указать еще на одно место в «Политике» — II, 3, 9, 1265b, 26 sqq.

Разрабатывая в «Политике» учение о формах правления, Аристотель следует, как мы видим, какой-то установившейся до него традиции. К тому же заключению приводит и одно место из самой «Политики». Вслед за приведенным выше определением политии, как смешения олигархии с демократией, автор указывает, что такого рода соединения обычно называют политиями, если они имеют уклон в сторону демократии, и аристократиями, если имеется уклон в сторону олигархии — *εἰς ὥρασι δὲ καλεῖν τὰς μὲν ἀποκλινοῦσας ὡς πρὸς δημοκρατίαν πολιτείας* etc. (VI (IV), 6, 2, 1293b, 35 sqq.).

Однако мы впали бы в большую ошибку, если бы истолковали слова Аристотеля в том смысле, будто он следует единственной или хотя бы доминировавшей традиции. Не все, как мы узнаем из той же «Политики», выделяли политию в особую форму правления: некоторые рассматривали аристократию как вид олигархии, а политию считали демократией, подобно тому как среди ветров зephyр причисляется к борею (т.е. к северному ветру), а эвр — к ноту (т. е. к южному ветру) (VI (IV), 3, 4, 1290a, 16 sqq.). Само по себе это место не дает основания думать, что слово полития как специфический термин не употреблялось авторами, считавшими специфический

⁹ II, 3,9, 1265 b, 28 sq; III, 5, 3, 1279b, 3 sqq.; ср. III, 11, 11, 1288a, 12 sqq. и VI (IV), 10, 8, 1297 b, 1 sqq.

ческий государственный строй, именуемый у Аристотеля политией, — разнovidностью демократии. Однако в другом случае Аристотель выражается определеннее: наряду с перечисленными у Платона в «Государстве» (имеется в виду книга VIII) формами правления — монархией, олигархией, демократией и аристократией, — существует еще так называемая полития, которая не замечается теми, кто пытается перечислять формы правления, вследствие того, что в действительности она наблюдается не часто (VI(IV), 5,9, 1293a, 40 sqq.). Иллюстрациями к приведенным словам Аристотеля могут служить не только «Государство» Платона, но и его «Законы» (IV, 5, 712 C) и диалог «Политик»¹⁰ (31, 291 E): ни там, ни здесь нет упоминания о политии как особой форме правления. Мало того, в последнем есть утверждение, что демократия не делится ни на какие подвиды и никто ни при каких обстоятельствах не изменяет ее названия. В этой связи уместно вспомнить и о том, что Эсхин в своей речи против Тимарха (§ 4) говорит перед лицом афинских судей, как о чем-то общезвестном, о трех видах государственного строя — тирании, олигархии и демократии, причем отличительным признаком демократии по Эсхину является господство законов, т. е. именно то, что, по мнению Аристотеля, как мы видели выше, отличает политию от демократии.

Сам Аристотель отдает себе ясный отчет в исторической обусловленности употреблявшейся в его время политической терминологии. С увеличением городов и усилением значения тяжеловооруженных (τῶν ἐν τοῖς δόλοισι) все большее количество людей становилось участником верховной власти (обладателем полноты гражданских прав); «поэтому то, что теперь называют политиями, прежние люди называли демократиями» — δῖόπερ ἄς νῦν καλοῦμεν πολιτείας, οἱ πρότερον ἐκάλουν δημοκρατίας (VI(IV), 10, 1297 b, 24 sq.). Такое заявление Аристотеля означает, что самому термину полития в специфическом смысле философ приписывает позднее происхождение.

В итоге мы пока имеем следующее. Аристотель стоял перед лицом двух укоренившихся до него традиций, из которых одна игнорировала существование политии как особой политической формы, а другая считалась с фактом ее существования и пользовалась самим термином полития, πολιτεία. В «Никомаховой этике» Аристотель выражал сомнение относительно целесообразности употребления этого термина, а в «Политике» безоговорочно принимал его. Тщательный анализ понятия «политии» — дело самого Аристотеля, и нет оснований ставить перед собой вопрос о его предшественниках в этом отношении. Что же касается возникновения термина «полития», то ни Аристотель, ни имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают на этот счет никаких указаний.

Если мы выйдем за пределы сочинений Аристотеля, то найдем интересные данные, освещающие вопрос о понятии «полития» еще с одной стороны. Исократ в своем «Панегирике», рассчитанном на широкое распространение в греческом мире, критикует политику Спарты после Пелопоннесской войны. Среди других обвинений находится и указание на то, что спартанцы отступили от своей традиционной, враждебной тиранам политики и занимаются установлением в других государствах монархического образа правления (§ 125). Значение слова πολιτεία не вызывает сомнения: в антитезах τῶν βασιλευσιν — πλεῖστον, πολιτεία — μοναρχία второй член первой соответствует

¹⁰ Ряд авторитетных ученых высказывается в пользу подлинности этого диалога, например — Ed. Zeller, Die Philosophie der Griechen, II⁴, 1, Lpz., 1889, стр. 544 сл.; A. et M. Croiset, Histoire de la littérature grecque, IV², P., 1900, стр. 271; U. v. Wilamowitz-Moellendorf, Platon, I², B., 1920, стр. 572 сл.; H. Leisegang, RE, s. v. Platon, 40 (1950), стб. 2376, 2498 сл.

первому члену второй, так что *πολιτεία* — такое государственное устройство, где власть принадлежит народной массе, *πλῆθος*. Не приходится думать о каком-нибудь специфическом значении слова *πολιτεία*, приближающемся к тому значению, какое придает ему Аристотель в «Политике»¹¹.

И для Демосфена современный ему и Аристотелю демократический строй (который с точки зрения Аристотеля, выраженной в «Политике», может быть назван только демократией) является не только демократией, но и политией; последняя противоположна монархическому строю, а потому и внушает ненависть царю Филиппу — *πρῶτον μὲν τοῦτο δεῖ, ἐχθρόν ὑπειληφέναι τῆς πολιτείας καὶ δημοκρατίας ἀδιάλλακτον ἐκείνον* (VIII, 43) — «прежде всего необходимо следующее: признать его (Филиппа) непримиримым врагом политики (республиканского строя) и демократии» (о том же X, 15; см. также VIII, 40). Далее, тирания, по мнению Демосфена, высказанному в 1-й Олинфской речи (§ 5), внушает недоверие политиям, под которыми разумеются демократии. Конкретно оратор имел в виду Амфиполь, Пидну, а также, надо думать, Афины. Во второй речи против Филиппа, после красочного рассказа о бедствиях, причиненных македонским царем ряду греческих республик, читаем: «Эти слишком тесные отношения с тиранами небезопасны для политий» (§ 21). В другой речи Демосфен прямо противопоставляет политию олигархии, тем самым отождествляя первую с демократией (Речь о свободе родосцев, § 20). Само собой разумеется, Демосфен, подобно другим авторам, не раз называет политией государственный строй вообще, так что демократия оказывается лишь одной из политий (XXII, 30), так же как и олигархия (XX, 108) или даже олигархия с тиранией (XIX, 184 sq.).

Исократ и Демосфен не дают никаких пояснений к слову полития. Употребляя его в определенном смысле, они не сомневаются в том, что будут правильно поняты. Поэтому закономерным будет вывод о том, что оба оратора пользуются хорошо известным в их время значением интересующего нас слова. Распространенность такого словоупотребления делает понятным для нас тот факт, что и сам Аристотель кое-где не уберется от следования установившейся традиции. Так, рассмотрев сначала перевороты, которым подвержены республиканские формы, а затем монархии, он говорит: *τὰς αὐτὰς ἀρχὰς δεῖ νομίζειν περὶ τῆς τῆς πολιτείας εἶναι τῶν μεταβολῶν καὶ περὶ τὰς μοναρχίας*¹².

По-видимому, в какой-то период времени быдо выдвинуто в противовес этому демократическому словоупотреблению новое значение слова *πολιτεία*. Наряду со значением «государственный строй вообще» (законность этого значения никто не оспаривал), в кругах противников демократии слову *πολιτεία* придавали более узкое значение республиканского строя, основанного на принципе какого-нибудь ценза. Аристотель после некоторых колебаний принял новое понимание слова и уточнил обозначаемое им понятие, определив политию *par excellence*, как такую цензовую конституцию, при которой полнота прав принадлежит тем, кто может на собственные средства приобрести тяжелое вооружение.

До сих пор, говоря об Аристотеле, мы имели в виду его «Политику», изредка и другие акроаматические сочинения. «Афинская полития», которой мы до сих пор не касались, как известно, по своему общему характеру резко отличается от «Политики». Если в «Политике» Аристотель преиму-

¹¹ На этом приходится настаивать ввиду повторенного еще в наши дни мнения о тождестве значения слова *πολιτεία* у Исократа и Аристотеля — Fr. Dirlmeier в примечании к своему переводу «Никомаховой этики» (*Aristoteles, Nikomachische Ethik*, übersetzt von Fr. Dirlmeier, B., 1956, стр. 527, к слову *Timokratie*).

¹² *Arist.*, *Polit.* VIII (V), 8,8, 1311a, 24; см. также 7, 22, 1310a, 37; 8, 1, 1310b, 1; 14, 1311b, 37; 9, 23, 1315b, 40; ср. II, 7, 7, 1272b, 40.

пещественно анализирует и доказывает, то в «Политии» он преимущественно рассказывает и показывает, избегая теоретизирования. Отсюда необходимость пользоваться общеизвестной терминологией и избегать употребления терминов, нуждавшихся в пояснениях. «Политии» вообще и «Афинская полития» в частности были предназначены не для тех, кто слушал, записывал и читал «Политику». Разработанное в «Политике» понятие «политии» не принадлежало к числу тех, которыми можно было свободно оперировать перед широкими кругами греческих читателей без риска быть неправильно понятым или навлечь на себя нежелательные нарекания: то, что должны были усвоить на занятиях в Ликее ученики Аристотеля, не было и не могло быть достоянием всей интеллигентной Греции.

В «Афинской политии» Аристотель не раз имел повод употребить термин «полития» в том смысле, в каком он сам употреблял его в теоретических рассуждениях в «Политике». Конституция Драконта (оставим в стороне вопрос о подлинности 4-й главы «Афинской политии») характеризуется тем, что полнота гражданских прав принадлежала способным на собственные средства приобрести тяжелое вооружение — (4,2), т. е. — тем признаком, каким в «Политике» характеризуется полития. Между тем, сам Аристотель в «Афинской политии» не обозначает этим словом конституцию Драконта. Конституция Солона была, как известно, цензовой. Политические права распределялись между отдельными социальными слоями в зависимости от имущественного ценза, причем основная грань проходила между зевгитами и фетами (7,3), т. е. между теми, кто был, и теми, кто не был в состоянии добыть себе тяжелое вооружение. Такое государственное устройство должно было бы, согласно учению Аристотеля, изложенному в «Политике», носить название «полития»¹³. Между тем, такого определения оно в «Афинской политии» не получает. Выделяются основные демократические элементы конституции Солона — τὰ δημοτικώτατα (9,1; ср. 10,1); подчеркивается, что от конституции Солона берет начало афинская демократия — ἀφ' ἧς ἀρχῇ δημοκρατίας ἐγένετο (41,2); отмечается большая демократичность конституции Клисфена сравнительно с солоновской — δημοτικώτερα πολὺ τῆς Σόλωνος (22,1; 41,2); указывается, правда, как мнение противников демократии в 411 г., что демократия, установленная Клисфеном — ὅτε καθίστη τὴν δημοκρατίαν, не была собственно демократией, а приближалась к конституции Солона — ὡς οὐ δημοτικὴν ἀλλὰ παραπλησίαν οὖσαν τὴν Κλεισθέους πολιτείαν τῇ Σόλωνος (29,3).

В «Политике» конституция Солона названа демократией, но не просто δημοκρατία, а πάτριος δημοκρατία, с дальнейшим пояснением, что она представляла собой соединение аристократических, олигархических и демократических начал (II, 9, 2, 1273 b, 36 sqq.). Вообще слово демократия употреблено в «Афинской политии» в первый раз (если идти от начала сохранившегося текста) применительно к государственному устройству Афин во времена Фемистокла (23,1). Сообщение о том, что Ареопаг при Солоне судил тех, кто вступал в заговор с целью низвержения власти народа — τοὺς ἐπὶ καταλύσει τοῦ δήμου συνισταμένους ἔκρινεν (8,4), не показатель для терминологии самого Аристотеля: ведь древние, по словам того же Аристотеля в «Политике», называли демократией то, что в действительности является политией (VI (IV), 10, 10, 1297 b, 24 sq.). Далее, безусловно заслуживает названия политии тот строй, который установился на короткий срок после падения Четырехсот. Аристотель говорит о нем — ἐκ τῶν ὅλων τῆς πολιτείας οὐσης (33,2). Самый способ выражения показывает, что слово ἡ πολιτεία берется здесь в общем смысле государ-

¹³ См. Br. Keil, Die Solonische Verfassung in Aristoteles Verfassungsgeschichte Athens, B., 1892, стр. 206.

ственного строя; ср. то место, где о правлении Четырехсот сказано $\eta\tau\epsilon\rho\alpha\chi\omicron\sigma\iota\omega\nu\ \pi\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\iota\alpha$ (33,1; приблизительно то же — 29,1); это правление в других местах прямо называется олигархией (32,2; 37,1).

Таким образом, мы легко убеждаемся в том, что Аристотель в «Афинской политике» сознательно избегал употребления термина, им же самим принятого и узаконенного в «Политике». Причину этого можно усматривать только в спорном значении термина: Аристотель не соглашался причислить к политиям (в узком смысле слова) современный ему демократический строй Афин, как это делали Исократ и Демосфен, и в то же время он не хотел, вразрез с практикой ораторской (и, по всей вероятности, обиходной) речи, переносить в сочинение, рассчитанное на широкий круг читателей, то узкое с антидемократическим оттенком значение термина полития, какое последний имел в «Политике»¹⁴.

* * *

От первого знакомства с социальной терминологией «Афинской политики» Аристотеля остается впечатление большого разнообразия и даже разнобоя. Терминов, служащих для обозначения социальных слоев и групп, много, и они не одного плана. Одни из них встречаются с большими или меньшими перерывами — на протяжении всей исторической части трактата, другие — в пределах более ограниченных отрезков, третьи — не более одного-двух раз. Далеко не все из них сопровождаются разъяснениями.

При более внимательном чтении нетрудно уловить известную закономерность в обращении Аристотеля с социальными терминами. Старые, досолоновские сословия — эвпатриды, геоморы, демпурги — упоминались в «Афинской политике» в связи с нововведениями Тезея — $\chi\omega\rho\iota\varsigma\ \epsilon\upsilon\pi\alpha\tau\rho\iota\delta\alpha\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \gamma\epsilon\omicron\mu\omicron\rho\omicron\upsilon\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \delta\eta\mu\iota\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\varsigma$, — причем давалось краткое пояснение относительно положения эвпатридов и относительно значения в государстве каждого из трех сословий (fr. 384). В дальнейшем имеются еще некоторые напоминания об этих сословиях. Сохранившийся текст «Афинской политики» начинается обрывком фразы, в конце которого стоит слово $\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\acute{\iota}\nu\delta\eta\tau\eta$. Согласно общему мнению, речь идет о подборе судей по принципу их происхождения. То же слово $\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\acute{\iota}\nu\delta\eta\tau\eta$ в соединении с другим — $\pi\lambda\omicron\upsilon\tau\acute{\iota}\nu\delta\eta\tau\eta$, — употреблено два раза в описании старинной, додраконтовской конституции — $\tau\acute{\alpha}\varsigma\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \acute{\alpha}\rho\chi\acute{\alpha}\varsigma\ [\kappa\alpha\theta\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\sigma\alpha\nu\ \acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\acute{\iota}\nu\delta\eta\tau\eta\ \kappa\alpha\iota\ \pi\lambda\omicron\upsilon\tau\acute{\iota}\nu\delta\eta\tau\eta$ (3, 1, 6): на государственные должности ставились богатые представители аристократии, сословия эвпатридов. Еще раз встречаемся мы с тезеевскими сословиями в рассказе о событиях, последовавших за отъездом Солона из Афин. После изгнания Дамасия, незаконно продлившего свое пребывание в должности архонта, афиняне выбрали десять архонтов, а именно — пятерых из эвпатридов, троих из крестьян, двоих из ремесленников — $\pi\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \epsilon\upsilon\pi\alpha\tau\rho\iota\delta\omicron\nu$, $\tau\rho\epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \delta\grave{\epsilon}\ \acute{\alpha}\gamma\rho\omicron\iota\kappa\omega\nu$, $\delta\upsilon\omicron\ \delta\grave{\epsilon}\ \delta\eta\mu\iota\omicron\upsilon\rho\gamma\omega\nu$ (13,2). Те, кто выше был назван геоморами, здесь обозначены как $\acute{\alpha}\gamma\rho\omicron\iota\kappa\omicron\iota$ — поселяне, крестьяне. Нам трудно определить, какое из этих названий более правильное¹⁵. Впрочем, нельзя не заметить некоторой неясности этого сообщения. Уже введена конституция Солона, социальные деления которой перекрывают старые социальные рамки и тем самым, казалось бы,

¹⁴ Возможно даже, что в одном, в политическом смысле нейтральном, месте Аристотель употребил слово полития в смысле «республиканский строй», делая, таким образом, уступку укоренившемуся у афинян словупотреблению: о строе, введенном Тезеем, сказано, что он представлял собой некоторое отклонение от монархии и заключал в себе $\tau\acute{\alpha}\xi\iota\nu\ \pi\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\iota\alpha\varsigma$ (41,2), т. е. какие-то черты республиканского строя.

¹⁵ Материал приводит S a n d u y s, ad loc.

аннулируют их. Возможно даже, что в этой своей части социальная реформа Солона сводилась к легализации существовавшего до него фактического положения дел — *καθάπερ διήρτητο καὶ πρότερον* (7,3; ср. 4,3); однако настаивать на этом нельзя, так как имеется подозрение, что эта ремарка представляет собой позднейшую вставку¹⁶. Сообщение о десяти архонтах все же вызывает вопросы, требующие разъяснений. Их Аристотель не дает, как не дает он пояснений к слову *ἐπατρίδα*, употребленному в схолии последней четверти VI в. (19,3), т. е. спустя много лет после реформы Солона, и представляющему собой явный анахронизм.

Можно выдвинуть три предположения для объяснения такого, с нашей точки зрения, невнимательного отношения к перечисленным выше социальным терминам: 1) Аристотель полагал, что читатель сам легко найдет ответы на вставшие перед ним вопросы о причинах временной актуализации старых социальных делений после падения Дамасия, а также о смысле слова «эпатриды» в аристократическом схолии времен Гиппия и Гиппарха; 2) Аристотель давал лишь то, что находил в своих источниках, так что нельзя возлагать на него ответственность за изъяны в его изложении; 3) Аристотель, имея на то свои основания, не считал нужным углубляться в некоторые вопросы, чрезвычайно интересные для нас, но не представлявшие интереса для него.

Первое объяснение должно отпасть ввиду того, что история тезеевских сословий не является и не являлась простой, вполне ясной и не вызывавшей никаких затруднений. Зависимость Аристотеля от его источников не подлежит сомнению, как не подлежит сомнению и то, что терминов «геоморы» и «эпатриды» мы не встретим ни в одном из других произведений Аристотеля, не исключая и «Политики», где детально и на широкой базе разбираются вопросы государственного устройства с частой оглядкой на социальный строй. «В Афинской политике» нельзя было не упомянуть об этих давно вышедших из употребления социальных терминах; в «Политике» без них оказалось возможным обойтись, тогда как обозначения *ἄγροικοί* и *δημιοῦργοί* продолжали сохранять некоторое актуальное значение. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что такие — если не термины, то социальные обозначения, — как *ἱκκοί*, *ἐσθλοί*, *ἑχαδοί*, встречающиеся в цитируемых в «Афинской политике» стихотворениях Солона (12, 3, 4) и отражающие известные социальные отношения в старых Афинах, также не привлекли к себе внимания Аристотеля.

Более определенный вывод можно сделать на основании обращения Аристотеля с социальными терминами, установленными конституцией Солона. Уже давно отмечено, что к Солону и его реформе «Афинская политика» обнаруживает повышенный интерес¹⁷. В частности, Аристотель уделяет достаточно внимания так называемым классам Солона. Дается шкала доходов, согласно которой граждане распределялись по этим классам, разбираются разногласия, существовавшие в литературе по этому поводу. Об этом социальном делении автор напоминает читателям и в других частях «Афинской политики». Если оставить в стороне главу о конституции Драконта, где впервые упоминаются пентакосомедимны, всадники и зевгиты, то мы встретим напоминания об отдельных солоновских социальных терминах в рассказе о событиях, последовавших за смертью Эфиальта (26,2), в рассказе о правлении Тридцати (38,2), в сообщении о способе замещения должности казначеев в IV в. (47,4); о предоставлении Солоном права на занятие должностей трем высшим классам говорится и в «Политике» (II, 9, 4, 1274a, 18 sqq.). Нельзя не признать, что политические и социаль-

¹⁶ Sandys, ad loc.; Бузескул, ук. соч., стр. 319, 332.

¹⁷ См. Keil, ук. соч., стр. 204 слл.

ные реформы Солона представляли для Аристотеля большой интерес. Однако мы не должны закрывать глаза и на некоторую ограниченность этого интереса. Прежде всего, Аристотелю был чужд дух кропотливого антикварного исследования, образчики которого мы имеем в сохранившихся фрагментах произведений аттидографов. Если у Аристотеля и встречаются иногда детали антикварного характера, то только такие, которые тесно связаны с историей государственного строя Афин. Аристотель упоминает о *κέρβεας*, на которых были записаны законы Солона (7,1), но не останавливается ни на их форме, ни на материале, из которого они были сделаны (ср. Plut., Sol., 25; Schol. Aristotoph., Av. 1354). Затем можно без труда заметить, что «Афинская политика» не задается целью проследить историю солоновских социальных подразделений. Аристотель внимательно рассматривает данные, относящиеся к моменту возникновения солоновских классов. В дальнейшем сообщения о них отрывочны. Между тем, несмотря на всю скудость наших сведений, мы знаем, что социальные деления, введенные Солоном, продолжали существовать и не были мертвой буквой не только в V в., но в какой-то степени — и в IV в. В V в., ранее 441 г., афиняне отправляли поселенцев — афинских граждан — в Брею, во Фракию. По этому поводу было вынесено постановление, согласно которому колонистами могли быть только зевгиты и феты (Syll.³, 67, v. 40 sqq.). В 428 г., в четвертый год Пелопоннесской войны, афиняне, решив произвести морскую демонстрацию у берегов Пелопоннеса, снарядили флотилию; экипаж состоял из афинских граждан, за исключением всадников и пентакосиомедимнов (Thuc., III, 16, 1). Когда Аристотель говорит, что установившаяся окончательно после падения Тридцати демократия характеризуется непрерывным возрастанием власти масс — *ἐπὶ προσηλαβάνουσα τῇ πλῇθει τὴν ἐξουσίαν* (41,2), то в этом сообщении мы вправе усмотреть обобщение ряда фактов, из которых лишь два главных названы здесь Аристотелем (переход в ведение народного собрания ряда судебных дел, подведомственных прежде совету, и установление платы за посещение народного собрания). Один из фактов, непосредственно касающихся солоновских социальных делений, известен нам из второй части «Афинской политики»: закон, согласно которому в жеребьевке на должность казначея могли участвовать только пентакосиомедимны, превратился в фикцию (47,1). Для Аристотеля, надо думать, не представляло большой трудности привести в надлежащем месте ряд подобных фактов, которые иллюстрировали бы умаление значения солоновских социальных делений. Например, надписи открыли нам одно любопытное обстоятельство: еще в IV столетии до конца 60-х годов присягу на верность союзным договорам (по крайней мере, в некоторых случаях) давали со стороны Афин, наряду со стратегами, Советом и гиппархами, также всадники. Договор 394/3 г. между афинянами и эретрийцами должен быть закреплен со стороны Афин клятвой стратегов, Совета и всадников (Syll.³, 123). В союзном договоре 375/4 г. с керкирянами, акарнанцами и кефалленянами, сказано *καὶ ὑποδῶναι τοὺς ὄρκους ταῖς πόλεσιν ταῖς ἡκίσταις τὴν βουλὴν [καὶ τοὺς στρατηγὸς καὶ τοὺς ἱππέας* (Syll.³, 150, v. 15 sqq.); контекст показывает, что здесь выражение *ὑποδῶναι τοὺς ὄρκους* следует понимать в смысле «давать клятву», а не «выполнять клятву». В союзном договоре с фессалийцами 361/0 г. читаем *ὁμόσαι δὲ Ἀ[θη]ναίων μὲν τοὺς στρατηγὸς καὶ τῇ βουλῇ καὶ τοὺς ἱππάρχους καὶ τοὺς ἱππέας* (Syll.³, 184, v. 14 sq.). С большой долей вероятности восстанавливается *τῶν ἱππέας* в аналогичном контексте в договоре, заключенном афинянами в 362/1 г. с аркадянами, ахейцами, элейцами и флиунтиянами (Syll.³, 181, v. 40). Вопрос о всадниках, надо думать, занимал общественное мнение Афин в IV в. Ксенофонт предлагает допустить метеков к службе в коннице (De vestig., 2,5; ср. Hipparch., 9,6). Среди преимуществ, которые, по его мнению,

сулит реализация предлагаемых им мероприятий в области государственного хозяйства Афин, он называет возвращение стародавнего положения (престижа) жрецам, Совету, властям и всадникам — *ιερεῖσι δὲ καὶ βουλῇ καὶ ἀρχαῖς καὶ ἱππέσι τὰ πατρία ἀποδώσομεν* (De vectig., 6,1). Вопрос о коннице и тем самым о том социальном строе, который поставлял ее, был одним из больших вопросов афинской политической жизни. Недаром Афины, по словам Ксенофонта, тратили на содержание своей кавалерии около сорока талантов в год (Hipparch., 1,19). Каково бы ни было взаимоотношение между всадниками времен Солона и всадниками времен Аристотеля (споры о цензе, требовавшемся от всадника по конституции Солона — Resp. Ath., 7,3 — и возможность самой постановки вопроса о допущении метеков к несению военной службы в коннице показывают, что это не одно и то же)¹⁸, Аристотель, несомненно, имел или мог бы иметь в своих руках ряд данных по истории афинского всадничества, во всяком случае для IV в. Отсутствие их в «Афинской политике», как и отсутствие данных по истории других сословий в IV в. служит хорошим доказательством того, что такого рода материалы не были нужны автору. Опираясь на полученные нами результаты, мы вправе отвести или, по крайней мере, ослабить еще одно из выведенных выше трех предположений о причинах большего или меньшего внимания Аристотеля к тем или иным явлениям социальной жизни и к соответствующим терминам, служившим для обозначения этих явлений: решающую роль не всегда играет возможность добыть материал; направляющим был замысел Аристотеля.

По сравнению с перечисленными социальными терминами гораздо большее место занимают в «Афинской политике» обозначения иного порядка. Ознакомление с ними позволит нам, думается, заглянуть в самую творческую лабораторию философа и благодаря этому получить некоторое представление о назначении «Афинской политики» и отношении ее к другим произведениям Аристотеля, главным образом к «Политике» и «Никомаховой этике».

Изменения, происходившие в афинском государственном строе, Аристотель, как известно, ставит в связь с борьбой социальных сил. В процессе этой борьбы, богатой перипетиями, афинский demos шаг за шагом завоевывает себе политические права. Начав с бесправного положения, он, наконец, становится вершителем судеб государства. Народу противостоят высшие, господствующие слои. В некоторых случаях отмечается роль промежуточных средних слоев, которым, как известно, в «Политике» придается большое значение¹⁹. Эти средние слои обозначены в «Афинской политике» один раз словом μέσοι, т. е. так, как они называются в «Политике»²⁰. В других случаях Аристотель предпочитает говорить об имущественных классах или о политической направленности. Иногда он объединяет эти средние слои с высшими под названием τὰ ὅπλα παρεχόμενοι (4,2 — два раза) и родственным этому — οἱ ἐκ τῶν ὅπων (33,1).

Чтобы сказать «народ», Аристотель пользуется небольшим набором слов. Рассказывая о состоянии низов населения в Аттике к концу VII и началу VI в., он сообщает: καὶ ἐδοῦλεον οἱ πένητες τοῖς πλουσίοις (2,1), рачуля под бедными основную массу народа и подчеркивая таким обозначением бедственное ее положение (в двух других случаях это слово имеет

¹⁸ Предостережение против смешения соловских всадников с афинской конницей — см. K. F. Hermann, Lehrbuch der griechischen Staatsaltertümer, Heidelberg, 1841, стр. 240, прим. 11.

¹⁹ Об этом см. O p s k e n, ук. соч., II, стр. 220 слл.; Р е ч е к ъ я н, ук. соч., стр. 125 слл.

²⁰ Arist., Polit., VI, (IV), 3,1, 1289b, 31: 8,3, 1295b, 3; также τὸ μέσον VI (IV), 9,3, 1295b 4· 9,8, 1295b 37: VIII, (V), 7,8, 1308b, 30.

более узкий охват и относится лишь к беднейшей части населения — 47,1 — или даже к обедневшим богачам — 13,3; ср. ἄποροι — 16,2). Несколько раз народ называется в «Афинской политике» οἱ πολλοί (2,10; 24,3; 27, 1,4; 28,4; 29,1; 36,1). То же видим мы и в «Политике», хотя здесь дает себя чувствовать и оттенок «большинство»²¹.

Преобладающими обозначениями понятия «народ» все же являются в «Афинской политике» δῆμος и πλῆθος²². Оба обозначения в изобилии встречаются в «Политике»²³. Разная этимология слов δῆμος и πλῆθος, разные оттенки, которые могли быть им присущи, не мешают Аристотелю придавать этим словам один и тот же смысл. Так, в «Политике» мы имеем очень показательные в этом отношении высказывания, где интересующие нас обозначения могут поменяться местами, не вызвав этим никакого изменения смысла всего высказывания Аристотеля: βουλευόμενοι γὰρ βέλτιον κοινῇ βουλευόμενοι πάντες, ὁ μὲν δῆμος μετὰ τῶν γνωρίμων, οὗτοι δὲ μετὰ τοῦ πλῆθους (VI (IV), 11,8, 1298b, 20 sq.). — ὁ δὲ τύραννος (scil. καθίσταται) ἐκ τοῦ δήμου καὶ τοῦ πλῆθους ἐπὶ τῶν γνωρίμων, ὅπως ὁ δῆμος ἀδικῆται μῆδὲν ὑπ' αὐτῶν (VIII (V), 8,2, 1310b, 12 sq.). Аналогичные места имеются и в «Афинской политике»: ὁ Κλεισθένης προσηγάγετο τὸν δῆμον ἀποδιδούς τῷ πλῆθει τὴν πολιτείαν (20,1), — καὶ συναθροισθέντος τοῦ πλῆθους, οἱ μὲν περὶ τὸν Κλεομένην καὶ Ἰσαγόραν κατέφυγον εἰς τὴν ἀκρόπολιν· ὁ δὲ δῆμος δύο μὲν ἡμέρας προσκαθεζόμενος ἐπολιόρκει etc. (20,3, см. также 21,1). В своей вводной фразе к цитате из Солона Аристотель заменяет слово δῆμος, употребленное Солоном, словом πλῆθος: πάλιν δ' ἀποφαίνόμενος περὶ τοῦ πλῆθους... δῆμος δ' ὧδ' ἂν ἔριστα etc. (12,2).

Заметим попутно, что δῆμος может обозначать и демократию, демократический строй как в «Политике» (VI (IV), 3,2, 1290a, 16; 6,4, 1294a, 13; 9,10, 1296a, 26 и др.), так и изредка в «Афинской политике» (8,4; 18,4²⁴; 34,3). В последней Аристотель употребляет иногда это слово в значении «народное собрание» (например, 25, 2,4; 44,2; 45,4). Различие между словами δῆμος и πλῆθος в известной мере, по-видимому, все же ощущалось. Так, в официальном языке употреблялось по преимуществу слово δῆμος: в эпиграфических памятниках (декреты, договоры) оно являлось преобладающим для обозначения народа. Однако слово πλῆθος в том же смысле и в такого же рода документах мы встречаем уже в V в. Так, аттическая надпись приблизительно 465 года дает наряду с выражением ὁ δῆμος ὁ Ἐρυθραίων, также Ἐρυθραίων τῷ πλῆθει καὶ Ἀθηναίων καὶ τῶν συμμάχων, притом в тексте клятвы, которую должен произнести Совет в Эрифрах (Syll.³, 41, v, 21 sq.). И впоследствии в документальной прозе иногда встречается обозначение πλῆθος там, где мы могли бы ожидать δῆμος, например, τῷ σύμπαντι πλῆθει τοῦ πολιτεύματος, τῷ πλῆθει τῶν Μαγνητῶν (Магнесия на Меандре, II в. до н. э., Syll.³, 695 v. 10, 20, 40); το πλῆθος εὐχάριστον φαίνεσθαι (Магнесия на Меандре, II в. до н. э., Syll.³, 679, v. 14). В языке ораторов обнаруживается некоторая тенденция употреблять слово πλῆθος почти как равноправное со словом δῆμος. Еще Лисий охотно называет афинский народ τὸ ὑμέτερον πλῆθος (12, 66. 67, 87; 13, 1,2, 10, 17, 92; 14, 34; 19, 14; ср. 14, 10), очевидно, не счи-

²¹ Arist., Polit., III, 6,4, 1281b, 42; VI (IV), 4,4 1292a, 11 sq.; VIII (V), 7,3, 1308a, 9, см. также οἱ πλείους — VI (IV), 11, 10, 1298b, 40.

²² Первое — 15,3, 4; 20,2, 3, 4; 21,1; 22,3, 7; 25,1; 26,1; 27,2; 28,2; 35,3; 38,3, 4; 40,3; 41,1; второе — 16,7; 20,2, 3; 21,3; 22,1; 25,1; 28,3; 32,1; 34,1; 36,1; 41,2.

²³ δῆμος — VI (IV), 9,10, 1296a, 25,28; 10,5, 1297a, 10; VIII (V), 3,7, 1304b, 1; 8,2, 1310b, 9 и др.; πλῆθος — III, 7,8, 1283b,2; 11, 1283b, 24, 33; 10,8, 1286b, 19; VI (IV), 4,3, 1292a, 5 и др.

²⁴ Толкование слова δῆμος в этом месте — см. М. М. Покровский, Этюды по «Афинской политике» Аристотеля, М., 1893, стр. 67, прим.

тая такое обращение некорректным. Чаще, однако, он обозначает народ словом $\delta\tilde{\eta}\mu\omicron\varsigma$ (7,4; 13, 35, 51, 70; 20, 17; 26, 16, 20; 34,5 и др.). Демосфен, если ограничиться речами, подлинность которых не вызывает сомнений, явно отдает предпочтение слову $\delta\tilde{\eta}\mu\omicron\varsigma$ (об афинянах — 3,30,31; 18,72, 130, 169, 250; 23,23 и много других мест; об олипфиянах — 9,56; об эретрийцах — 9,56, 66; о родосцах — 15,5,15; об орейцах на Эвбее — 9,61). Тем не менее мы, хотя и изредка, встречаем у него и обозначение $\pi\lambda\tilde{\eta}\theta\omicron\varsigma$ (об афинянах — 24, 68, 111, 123, 143; о фессалийцах — 8,65; о разных государствах — 6,24; 18, 46; 23, 124). Оба слова находим и у Исократ, который сравнительно редко прибегал к ним. Соотношение между частотой употребления того и другого приблизительно такое же, как у Лисия²⁵.

В этой связи следует еще разобрать употребление Аристотелем существительного $\omicron\iota\ \delta\eta\mu\omicron\tau\iota\kappa\omicron\iota$ (оставляя в стороне прилагательное $\delta\eta\mu\omicron\tau\iota\kappa\omicron\varsigma$, которым обозначается как демократическое или имеющее демократическую направленность государственное устройство или отдельные государственные меры, так и иногда — государственные деятели, проводившие демократическую программу). Это существительное в трех местах явно означает «сторонники демократии»: два раза $\delta\eta\mu\omicron\tau\iota\kappa\omicron\iota$ противопоставляются тем, кто склонен злословить по адресу Солона, в котором выдели родоначальника афинской демократии (6, 2, 3), один раз — тем, кто утверждал, что герой афинской демократии Аристогитон проявил слабость под пыткой (18,5). Несколько иной смысл вложен в это слово там, где рассказывается о различном толковании одного из условий мира, заключенного Афинами со Спартой после Пелопоннесской войны (34,3). Афиняне обязались ввести у себя стародавнюю конституцию — $\pi\acute{\alpha}\tau\rho\iota\omicron\varsigma\ \pi\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\iota\alpha$. Опираясь на этот пункт мирного договора, $\omicron\iota\ \delta\eta\mu\omicron\tau\iota\kappa\omicron\iota$ пытались сохранить демократический строй. Этим $\delta\eta\mu\omicron\tau\iota\kappa\omicron\iota$ противопоставляются не члены какой-нибудь политической группировки (е. г. $\omicron\iota\ \epsilon\nu\ \tau\alpha\iota\varsigma\ \epsilon\tau\alpha\iota\rho\epsilon\iota\alpha\iota\varsigma\ \delta\upsilon\tau\epsilon\varsigma$), а $\gamma\upsilon\omega\rho\iota\mu\omicron\iota$ знатные в целом, которые потом уже подразделяются на тех, кто состоял в олигархических гетериях, и тех, кто не состоял в них. Следовательно, здесь $\omicron\iota\ \delta\eta\mu\omicron\tau\iota\kappa\omicron\iota$ обозначает то, что противопоставляется знати, т. е., в сущности, то же, что $\delta\tilde{\eta}\mu\omicron\varsigma$, $\omicron\iota\ \pi\omicron\lambda\lambda\omicron\iota$ и т. п. — народ. Далее, сообщая о популярности Писистрата, Аристотель напоминает о продолжительности его правления и о той легкости, с какой он — после потери власти — вновь брал ее в свои руки; здесь же объяснение: $\epsilon\beta\omicron\upsilon\lambda\omicron\nu\tau\omicron\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\nu\ \gamma\upsilon\omega\rho\iota\mu\omicron\nu\ \kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\nu\ \delta\eta\mu\omicron\tau\iota\kappa\omicron\nu\ \omicron\iota\ \pi\omicron\lambda\lambda\omicron\iota$ (16,9) — «ведь этого хотело большинство и знатных и народа». Параллельно может служить также одно место из «Политики»: излагая взгляды Платона, высказанные им в «Законах», Аристотель от себя выражает уверенность в том, что на должности будут в большинстве случаев проходить наиболее богатые люди, если сделать присутствие бедных слоев населения на выборах должностных лиц необязательным, так как тогда часть людей из народа не будет пользоваться своим правом участвовать в выборах — $\delta\iota\acute{\alpha}\ \tau\omicron\ \epsilon\nu\iota\omicron\upsilon\varsigma\ \mu\grave{\eta}\ \alpha\iota\rho\epsilon\iota\sigma\theta\alpha\iota\ \tau\omicron\nu\ \delta\eta\mu\omicron\tau\iota\kappa\omicron\nu\ \delta\iota\acute{\alpha}\ \tau\omicron\ \mu\grave{\eta}\ \epsilon\pi\acute{\alpha}\nu\alpha\chi\kappa\epsilon\varsigma$ (II, 3,12, 1266a, 21 sqq.). Для ораторов, наоборот, такое употребление слова не является характерным. Они обозначают этим словом демократический характер мыслей, демократический характер деятельности²⁶. Встречаются, впрочем, у ораторов и беспорядочные случаи

²⁵ $\delta\tilde{\eta}\mu\omicron\varsigma$ — Areop., 23, 26, 27, 63; De permut., 70, 232; De pace, 75, 108, 121, 125 и др.; $\pi\lambda\tilde{\eta}\theta\omicron\varsigma$ — Euag., 46; Paneg., 79; De permut., 70, 138.

²⁶ Л и с и й 15, 20; 20, 13, 22; 25,23; 26,15; 28,8, 12; 30,9; И с о к р а т Areop., 64; Euag., 46; De permut., 303; De pace, 13, 108, 133 и др.; Д е м о с ф е н 18,6, 122; 19, 277, 280, 296; 22,51 и др.

употребления слова *δημοτικός* в значении «происходящий из народа, простонародный». Так, в речи против Мидия Демосфен противопоставляет людям со средним достатком и принадлежащим к народу *μέτριοι καὶ δημοτικοί* богачей — *πλούσιοι* (21, 183); ниже тем же богачам противопоставляются люди, принадлежащие к народной массе — *καὶ τις ὑμῶν τῶν πολλῶν καὶ δημοτικῶν* (209).

Термины, служащие для обозначения народа, народных масс у Аристотеля, немногочисленны, и употребление их не ставит перед нами каких-либо сложных вопросов. Иначе обстоит дело с обозначением высших слоев населения.

Начнем с перечня интересующих нас обозначений, имеющихся в «Афинской политике». Демосу противопоставляются (прямо или почти прямо) в соответствующих местах исторического повествования или в той главе (28), где перечисляются руководившие боровшимися партиями государственные деятели до Клеона, следующие социальные группы.

Во времена Солона: *γνώριμοι* (2,1; 5,1; 11,2 — два раза; 28,2), *πλούσιοι* (2,2 — два раза; 5,3 — два раза), *ὀλίγοι* (2,2; 4,5), *εὐγενεῖς* (28,2).

Во времена Писистрата и Писистратидов: *γνώριμοι* (16,9; 28,2), *ἐπιφανεῖς* (18,4), *εὐγενεῖς* (28,2).

Во времена Мильтиада *γνώριμοι* (28,5).

» » Кимона *εὐποροί* (26,1; 28,2).

» » Перикла *ἔτεροι* (28,2).

» » Никия *ἐπιφανεῖς* (28,3).

» » Ферамена *ἔτεροι* (28,3).

Накануне установления олигархии Тридцати — *γνώριμοι* (34,3).

Во времена Аристотеля — *ὀλίγοι* (41,2).

Картина получилась пестрая. Социальные обозначения разнообразны, а распределение их во времени беспорядочно. Правда, выбор в каждом отдельном месте того или иного слова не всегда является произвольным. В досолоновской Аттике с ее резким разделением населения на богатое, господствовавшее меньшинство и бедное, закабаленное большинство следует считать вполне закономерным попарные соединения «богатые — бедные», «большинство — немногие». Вполне оправдана вторая из этих антитез и в том месте, где речь идет о более легкой подкупности со стороны меньшинства (28,4). Если Кимон назван предводителем состоятельных (*εὐποροί* — 28,2), то основание для употребления именно этого слова мы найдем в том месте «Афинской политики», где говорится о большом богатстве самого Кимона — *ἔτε τὴν τυχάνην ἔχων οὐσίαν* (27,3). Принадлежность Солона и Писистрата к аристократическим родам (*εὐγενεῖς*) подчеркивается для того, чтобы лучше оттенить безродность Клеона. О происхождении граждан, в частности, политических деятелей, Аристотель говорит и в других местах: о том же Солоне сказано, что он по своему происхождению принадлежал к первым гражданам (5,3); одно из отмеченных выше упоминаний об *ἐπιφανεῖς* сопровождается указанием на «породу» *τῇ φύσει τὴν ἐπιφάνειαν* (18,4); Клисфен принадлежал к роду Алкмеонидов (28,2); по поводу бесчинств Тридцати дается подробность — они убивали таких людей, которые выделялись благодаря своему состоянию, роду (*γένει*) и достоинствам (35,4).

Однако попытки установить строгую закономерность в употреблении Аристотелем перечисленных выше терминов (в условном смысле мы можем называть их терминами) неизбежно обречены на неудачу. Действительно, слово *γνώριμος*, чаще всего встречающееся, употребляется не только время от времени с другими, но и на протяжении всей исторической части «Афинской политики», местами даже — после больших перерывов. Это наводит на мысль о том, что автор рассчитывает на понимание читателем значения

этого слова. Обозначение γῳόρδοι должно было иметь вполне определенный смысл: все то, что не принадлежит к народной массе, что выделяется из нее. Периодическое возвращение Аристотеля к этому слову не является случайным.

В высшей степени показательно и то обстоятельство, что в двух очень ответственных местах противники демократии названы просто οἱ ἑτεροί. Перикл стоял во главе народа, а Фукидид (сын Мелесия) — во главе «прочих» (28,3); Ферамен возглавлял «прочих», а Клеофонт — народные массы (28,3). «Прочие» — это те, против кого боролись массы и их вожди. Так может называть определенные социальные группы только тот, чьи взоры устремлены на противоположную сторону, по отношению к которой данные группы являются «прочими». Нам следует учесть при объяснении этого обстоятельства еще одну сторону дела. Как мы увидим ниже, Аристотелю даже в его теоретических рассуждениях в «Политике» не всегда удавалось провести четкую грань между социальными понятиями; тем более трудно сделать это в «Афинской политике», где приходилось оперировать с конкретными явлениями афинской действительности.

В сущности, едва ли большей определенностью отличается обозначение ἐπιφανεῖς (во времена Писистрата и Никия). Ведь в «Политике» это слово вовсе не упоминается; в «Поэтике» оно употреблено один раз для обозначения людей, получивших известность (οἷον Οἰδίπους καὶ Θυέστης καὶ οἱ ἐκ τῶν τοιοῦτων γένων ἐπιφανεῖς ἄνδρες (13, 1453a, 11sq.); в том же значении употреблено оно и в «Реторике» (1,5, 1360b, 31 sqq.).

Явно противопоставляются демосу в «Политике» и οἱ ὀλίγοι, о которых говорится, что они господствуют в олигархиях²⁷; специального определения они не получают и в «Афинской политике». Оба эти обозначения — ἐπιφανεῖς и ὀλίγοι — имеют вполне конкретный смысл именно в тех местах, где даются наряду с ними другие, более конкретные обозначения (например, 2,2; 4,5) или имеется какое-нибудь пояснение φύσει τῶν ἐπιφανῶν (18,4).

Бчитываясь в «Афинскую политику», мы убеждаемся в том, что одной из главных задач, которые ставил себе автор в первой, исторической части трактата, было проследить борьбу несимпатичного ему афинского демоса с противостоявшими ему силами, сливавшимися в конечном счете в глазах Аристотеля в единую антидемократическую силу. Аристотель не закрывает глаза на существование промежуточных слоев (οἱ μέσοι — 5,3) и на антагонизм внутри тех социальных слоев, которые в совокупности выступали против демоса (13,4; 34,3). Однако главным мотивом внутренней истории Афинского государства была для Аристотеля борьба демоса против стоявших на его пути социальных сил. Последние не всегда были однородными, и Аристотель не всегда может, да и не всегда хочет показать читателю подлинное лицо тех, кто были антагонистами афинского демоса. Для него они являются главным образом помехой на пути к полной демократизации афинского государственного строя, которую он сжато охарактеризовал в конце своего исторического обзора (41,2, 3).

Подавляющая часть социальных обозначений, встречаемых нами в «Афинской политике», занимает видное место в рассуждениях Аристотеля в «Политике». В отличие от «Афинской политики», «Политика» не оперирует социальными терминами как чем-то известным, не требующим объяснений, а дает им определения. Если мы возьмем слово γῳόρδοι, то прежде всего легко убедимся в том, что они, как и в «Афинской Политике», противопоставляются массе народа. В качестве противников вы-

²⁷ Arist., Polit., III, 4,1, 1278b, 12 sqq.; VI (IV), 3, 6, 1290a, 33; 11, 10, 1298b, 39 и др.).

ступают γνῶριμοι и πλῆθος (VI (IV), 4,1, 1291b, 18 sqq.; VIII (V), 2,5, 1302b, 23 sq.; 8,2, 1310b, 13), γνῶριμοι и δῆμος (VI (IV), 11,8, 1298b, 21; VIII (V), 8,2, 1310b, 12).

Содержание понятия γνῶριμοι раскрывается Аристотелем в том месте, где он говорит о разных видах демоса и признаках, обуславливающих собой расслоение внутри γνῶριμοι: τῶν δὲ γνῶριμῶν (scil. εἶδη ἔστιν) πλοῦτος, εὐγένεια, ἀρετή, παιδεία καὶ τὰ τοῦτοις λεγόμενα κατὰ τὴν αὐτὴν διαφορὰν (VI (IV), 4,1, 1291b, 28 sq.). Следовательно, богатство, благородное происхождение, доблесть, образованность выделены как признаки, по которым различаются между собой отдельные виды γνῶριμοι и наличием которых тем самым γνῶριμοι в целом отличаются от демоса.

К этому вопросу Аристотель возвращается еще раз. Внутри слоя γνῶριμοι он констатирует наличие известной градации в зависимости от размеров состояния κατὰ τὸν πλοῦτον καὶ τὰ μεγέθη τῆς οὐσίας, от большей или меньшей родовитости — κατὰ γένος, от степени доблести — κατὰ ἀρετὴν (VI (IV), 3,1, 1289b, 33 sq.; ср. также ἀγαθοί, πλούσιοι, εὐγενεῖς — πλῆθος — III, 7,8, 1283b, 2).

Понятию γνῶριμοι, таким образом, Аристотель придает очень широкий смысл. Оно охватывает всех тех, кто по своему материальному положению, происхождению, личным качествам, полученному образованию выделяется из общей массы народа.

Такому толкованию этого quasi-термина не противоречат два места, где рядом с γνῶριμοι поставлены εὐποροί, так что на первый взгляд может показаться, что перед нами два равноправных обозначения, не покрывающих одно другое даже частично. Солон установил порядок, по которому все должности замещались ἐκ τῶν γνῶριμῶν καὶ εὐπόρων (II, 9,4, 1274a, 18 sqq.), с уточнением — из пентакосомедимнов, зевгитов и всадников. Олигархия возникает там, где над массой немущих получает перевес немногочисленная группа τῶν εὐπόρων καὶ γνῶριμῶν (VI (IV), 10, 3, 1296b, 31sqq.). Истинный свет на эти места проливает сделанное Аристотелем замечание о том, что образованность и родовитость являются в значительной степени уделом людей состоятельных — διὰ τὸ μᾶλλον ἀκολουθεῖν, παιδείαν καὶ εὐγένειαν τοῖς εὐπορωτέροις и что именно их принято называть καλοὶ καγαθοὶ и γνῶριμοι (VI (IV), 6,2, 1293b, 35 sqq.). Аристотель констатирует существование определенного словоупотребления, прямо не присоединяясь к нему. В то же время он приводит основание для обычного в его время смещения εὐποροί и γνῶριμοι: фактически первые являются носителями тех качеств, которые требуются от вторых. Поэтому сопоставление в цитированных местах εὐποροί и γνῶριμοι является, в сущности, уступкой обычному пониманию этих слов, ставших в реальной жизни синонимами, хотя понятия, ими обозначаемые, строго говоря, совпадали лишь частично. О степени этого совпадения мы не можем составить себе вполне ясного представления, да и сам Аристотель едва ли ставил перед собой такой вопрос.

Как мы видели выше, πλούσιοι у Аристотеля, несомненно, относятся к γνῶριμοι. Однако нигде нет указания на полное совпадение πλούσιοι и εὐποροί. Такое совпадение представляется даже маловероятным. Надо думать, πλούσιοι были лишь частью εὐποροί, составляли их верхний слой. Существенно замечание о том, что богатые претендуют на особое положение в государстве вследствие того, что они владеют большей долей страны — οἱ πλούσιοι μὲν ὅτι πλεῖον μέτεστι τῆς χώρας αὐτοῖς (III, 7,7, 1283a, 31 sqq.). Под богатством, следовательно, разумеется в первую очередь крупная земельная собственность. Недаром в известном рассказе «Афинской политики» о том, как обогатились друзья Солона, так называемые πλῆθος πλοῦτοι оказывались потомками тех, кто скупил много земли (6,2).

Впрочем, слой *εὐποροί* не является резко очерченным. Четких границ не дает ему ни противопоставление *πλούσιοι*, *εὐποροί* — *πένητες*, *ἄποροι*²⁸, ни антитеза *πλούσιοι*, *εὐποροί* — *δῆμος*, *πληθός*²⁹ или *εὐποροί* — *δημοτικοί*³⁰.

Существеннее то, что Аристотель строит лестницу *εὐποροί* *σφόδρα* — *μέσοι* — *ἄποροι* *σφόδρα*³¹. На вопрос о том, куда должны быть отнесены просто *εὐποροί* и просто *ἄποροι*, можно на основании этого места дать ответ: к *μέσοι*. Однако такое заключение не вполне согласуется с приведенным выше местом, где сказано, что доступ к должностям получили *εὐποροί* *καὶ* *γνώριμοι*, т. е., как здесь же указано, пентакоспомедимны, всадники и зевгиты (по-видимому, определение *γνώριμοι* относится к зевгитам и в другом месте — VIII (V), 2, 8, 1303a, 8 sq.). Зевгиты выделены из общей массы крестьянства, причем основанием для этого послужил известный имущественный ценз.

Иначе обстоит дело в другом месте. Перечисляя разряды граждан, Аристотель выделяет тех, кто служит государству своим имуществом — *τὸ ταῖς οὐσίαις λειτουργοῦν, ὅπερ καλοῦμεν εὐπόρους* (VI (IV), 3, 14, 1291a, 33 sq.). Как известно, литургии, требовавшие больших затрат, выпадали на долю состоятельных граждан, владевших имуществом в три таланта и более³². Уже это одно не позволило бы отнести слова Аристотеля без дальнейших размышлений к афинским зевгитам и аналогичным им слоям граждан в разных греческих государствах. Но и сам Аристотель ясно дает нам понять, что в число граждан, служивших государству своим имуществом, он не включает воинов — гоплитов (для Афин это зевгиты), выделяя их в особый разряд — *ὅτι τὸ γε ὀπλιτικὸν ἀναγκαῖόν ἐστι τῆς πόλεως μόνον* (непосредственно перед словами, приведенными выше). В целом остается некоторая неясность: зевгиты могут быть названы *εὐποροί*, если они (вместе с пентакоспомедимными и всадниками) противопоставляются немущей массе; и они же не включаются в состав *εὐποροί*, если под последними понимаются те, кто несет на себе бремя литургий. Очевидно, сам Аристотель не считал слово *εὐποροί* термином; для него оно было неким общим обозначением с довольно зыбкими границами.

Вторым свойством, обеспечивавшим гражданину принадлежность к *γνώριμοι*, была, как мы видели, родовитость *εὐγένεια*. О связи в действительной жизни этой *εὐγένεια* с *εὐπορία* говорилось выше. Однако не всякий *εὐπορός* был *εὐγενής*. Аристотель считает нужным дать точное определение понятия *εὐγένεια*: она представляет собой соединение древней (наследственной) доблести и древнего (наследственного) богатства — *ἡ γὰρ εὐγένεια ἐστὶν ἀρετὴ καὶ πλοῦτος ἀρχαῖος* (VI (IV), 6, 5, 1294a, 21 sq.). В этом тексте определение *ἀρχαῖος* относится не только к богатству, но и к доблести. Это можно доказать ссылкой на ряд высказываний Аристотеля в других местах. Мы имеем, во-первых, два места в «Политике», где *εὐγένεια* названа *ἀρετὴ γένους* (III, 7, 7, 1283a, 31 sq.), а *εὐγενεῖς* те, чьи предки отличались доблестью и богатством *οἷς ὑπάρχει προγόνων ἀρετὴ καὶ πλοῦτος* (VIII (V), 1, 3, 1301b, 4 sq.); во-вторых, определение в «Реторике»: *ἔστι δὲ εὐγενὲς μὲν κατὰ τὴν τοῦ γένους ἀρετὴν*³³. После этого нас не могут удивить

²⁸ Arist., Polit., III, 5, 4, 1297b, 7, sqq., 37 sq.; VI (IV), 3, 3, 1290a, 10; 3, 6, 1290a, 37 sq.

²⁹ Arist., IV (VII), 7, 5, 1328b, 21 sqq.; VI (IV), 5, 5, 1293a, 6 sqq.; 9, 7, 1295b, 31 sq.; 9, 11, 1296a, 27 sq.; 10, 5, 1297a, 9 sq.; VIII (V), 3, 7, 1304b, 1 sq.; 7, 18, 1309b, 38 sq. и др.

³⁰ Arist., Polit., VIII (V), 3, 2, 1303b, 34 sqq.

³¹ Arist., Polit., VI (IV), 9, 3, 1295b, 1 sqq.; VIII (VI), 7, 8, 1308b, 29 sq. и др.

³² См. J. Oehler, RE, s. v. Leiturgie, XII (1925), стб. 1874.

³³ Arist., Polit., II, 15, 1390b, 22 sqq.; ср. I, 5, 1360b, 30 sqq. и II, 15, 1390b, 16 sqq.

рассуждения Аристотеля, из которых явствует, что εὐγενής не то же, что πλούσιος или εὐπορος³⁴.

В «Реторике» выделено особое понятие γένναϊος, которое определяется как εὐγενής, с добавочным признаком сохранения наследственной доблести: εὐγενής, происходящий от обладавших доблестью предков, оказывается γένναϊος при том условии, что он не вырожден, не отошел от своей природы — κατὰ τὸ μὴ ἐξίστασθαι τῆς φύσεως, что, добавляет Аристотель, редко встречается у людей благородного происхождения — обычно они бывают ничтожными (II, 15, 1390b, 22 sqq.). В «Политике» Аристотель не выделяет в особую группу этих γένναϊοι. В одном месте сказано, что в государстве ἀγενεῖς количественно преобладают над γένναϊοι, а ἄποροι над πλούσιοι (VI (IV), 10,2, 1296b, 21 sq.); в другом — речь идет о таком же преобладании ἐλευθεροὶ и ἄποροι над εὐγενέστεροι и πλούσιοι (VI (IV) 3,8, 1290b, 18 sqq.). Наконец, в третьем месте обозначения εὐγενεῖς — γένναϊότεροι — εὐγενεῖα применяются к одной и той же группе людей (III, 7,7, 1283a, 31 sqq.). Тонкое различие, установленное в «Реторике» между εὐγενεῖς и γένναϊοι, оказалось ненужным в построениях «Политики», а тем более в «Афинской политике», где второе из этих обозначений вовсе не встречается.

Заслуживает быть отмеченным, что вопрос об εὐγενεῖς занимал Аристотеля еще в раннюю пору. Один из его диалогов носил название περὶ εὐγενείας³⁵. Довольно значительные отрывки из этого диалога, сохранившиеся Стобеом, содержат рассуждения на тему о сущности благородства и позволяют нам сделать заключение о том, что решение вопроса, известное нам из «Никомаховой этики», было найдено Аристотелем еще в то время, когда он работал в тесном контакте с Платоном и писал диалоги. В сохранившихся фрагментах названного диалога рассматриваются существовавшие по вопросу об εὐγενεία мнения. Одно из них вообще не признавало за этим обозначением никакого реального содержания — κατὰ δ' ἑλλήθειαν οὐδὲν διαφέροντας τοὺς ἀγενεῖς τῶν εὐγενῶν (fr. 91, Rose³). Согласно другому мнению, благородными являются дети доблестных родителей — οἱ μὲν γὰρ τοὺς ἐξ ἀγαθῶν γονέων εὐγενεῖς εἶναι νομίζουσι (fr. 92, Rose³). Сторонники третьего мнения считали благородными представителей наследственного богатства — τοὺς ἐκ πάλαι πλουσίων (там же). Отмечено и четвертое мнение, согласно которому благородными являются потомки доблестных предков — τοὺς ἐξ ἀγαθῶν πάλαι (там же). Против каждого из этих мнений выдвигаются возражения. Правда, не сохранилось возражение против первого мнения, но сомневаться в том, что Аристотель полемизировал против мнения об отсутствии какого бы то ни было различия между εὐγενεῖς и ἀγενεῖς, не позволяет нам уже самое содержание диалога.

Третьим признаком человека, принадлежащего к γένναϊοι, является, по Аристотелю, как мы видели, ἀρετή, доблесть, четвертым — παιδεία — образованность. Нет надобности говорить о том, что эти элементы не являются тождественными (см. VI (IV), 9,1, 1295a, 26 sqq.). Однако, как указывает Аристотель, практически они обычно встречаются в соединении один с другим. В рассуждениях по поводу притязаний разных слоев населения на исключительное право занятия должностей Аристотель гово-

³⁴ Arist., Polit., III, 7, 10, 1283b, 14 sqq.; VIII (V), 1,8, 1301b, 39 sqq.; ср. Eth. Nic., V, 3, 7, 1131a, 27 sqq.

³⁵ Подлинность этого диалога находится, впрочем, под сомнением — см. Ed. Zeller, Die Philosophie der Griechen., t. II³, Abt. 2, Lpz, 1879, стр. 61. Против сомнений в подлинности этого диалога — см. Gercke RE, s. v. Aristoteles, II (1896), стб. 1036.

рит о том, что на это право могут вполне справедливо претендовать также представители образованности и доблести, так как без них хорошая жизнь в государстве невозможна (III, 7,6, 1283a, 24 sqq.). Обладатели этих качеств, как видно из этого рассуждения, называются ἐπιεικεῖς (см. это слово — 1283a, 16, где оно является вполне оправданной конъектурой, вместо рукописного εὐεχεῖς). Не менее тесная связь между ἀρετή и πειδεία видна из той характеристики, какая дается в «Политике» аристократическому образу правления: принципом его является доблесть — ἀριστοκρατίας ὁρος ἀρετή (VI (IV), 6,4, 1194a, 10 sq.; см. также III, 7, 11, 1283b, 21; VIII (V), 6,3, 1307a, 9; Eth. Nic., IV, 8,5, 1128a, 17 sqq.).

Таким образом, после πλοῦσιοι и εὐεχεῖς нам следует разобрать третье обозначение, которым оперирует Аристотель, ἐπιεικεῖς. Они противопоставляются тем, кого Аристотель называет μοχθηροί и φαῦλοι³⁶. Соответствующее свойство ἐπιεικεία означает «порядочность» и противопоставляется таким свойствам, как μοχθηρία (Rhet., II, 1, 1378a, 7 sqq.) и φαυλότης (Eth. Nic., X, 5, 6, 1175b, 64 sqq.; Rhet., 1,15, 1376a, 28 sq.). «Порядочные», ἐπιεικεῖς, обладают доблестью. Говоря о качествах, обязательных для кандидатов на ту или иную должность, Аристотель указывает, что, выбирая стратега, следует придавать большее значение опытности кандидата, нежели его доблести (честности) — εἰς τὴν ἐμπειρίαν μᾶλλον τῆς ἀρετῆς (scil. δεῖ βλέπειν), так как способность быть стратегом встречается реже, нежели порядочность; при выборе же стража (охранителя) или казначея следует поступать наоборот, ввиду того, что эти должности требуют не каких-либо специальных знаний, а доблести (честности), превышающей общую норму (VIII (V), 7, 15, 1309 b, 14 sqq.).

Из сказанного следует, что ἐπιεικής есть в первую очередь понятие этическое. Это подтверждается рядом мест из сочинений Аристотеля, где даются дополнительные определения этого понятия³⁷. Вполне естественно, что Аристотель отличает «порядочных» людей от богачей, когда он ставит вопрос о том, кто должен властвовать в государстве — народная масса, богатые, «порядочные» или один, лучший (Polit., III, 6, 1, 1281a, 1 sqq.). Столь же закономерным является и рассмотрение того случая, когда бедный человек оказывается порядочным: πένης μὲν ὢν, ἐπιεικής δέ (II, 8, 7, 1273b, 3).

Однако в плане реальном Аристотель устанавливает антагонизм между «порядочными» и народом. Царская власть, говорит он, возникла ради защиты «порядочных» — против народа, и царь ставился из «порядочных» по признаку переизбытка доблести или деяний, проистекающих из доблести, или вообще переизбытка подобного рода; тиран же — из народа против γῥόρμοι, чтобы народ не терпел обид от них (VIII (V), 8, 2, 1310b, 9 sqq.). Этот текст не дает нам права думать, что Аристотель отождествлял ἐπιεικεῖς с γῥόρμοι, но известное соотношение между ними в представлении Аристотеля, конечно, было. Вспомним, что ἐπιεικεῖς являются одной из разновидностей γῥόρμοι, и нам станет понятным, почему первые нуждаются в защите от народа не менее, чем народ в защите от вторых. «Порядочные» противопоставляются народной массе и в другом месте (VII (VI), 2, 3, 1318b, 33 sqq.; 2, 4, 1319a, 2 sqq.), где, между прочим, ἐπιεικεῖς и γῥόρμοι поставлены в один ряд; те и другие будут удовлетворены, если главные должности будут выборными, а от кандидатов на эти должности

³⁶ Arist., Polit., II, 4, 12, 1267b, 6 sq.; III, 6,11, 1282a, 26 sq.; VI (IV), 5,7, 1322a, 22 sqq.; Eth. Nic., III, 5, 3, 1113b, 11 sqq.; IV, 9,4, 1128b, 21 sqq.; V, 3,3, 1132a, 2 sqq.; VIII, 10,3, 1160b, 15 sqq.; IX, 8,8, 1169a, 15 sqq., 30 sqq.; Rhet., II, 11, 1388a, 35 sqq. и др.; Poët., 13, 1452b, 36 sqq. и др.

³⁷ См., например, Eth. Nic., III, 6,3, 1115a, 12 sqq.; IV, 6, 4, 1126b, 20 sqq.; V, 9, 9, 1136b, 20; Poët., 15, 1454b, 12 sq.

будет требоваться либо имущественный ценз, соответствующий значению должности, либо способность выполнять обязанности, лежащие на должностном лице (VII (VI), 2, 3, 1318b, 27 sqq.). Таким образом, *ἐπιεικὲς* как некая социальная единица являются антагонистом демоса, имеющим свои собственные политические идеалы, не совпадающие с идеалами народных масс.

Рассматривая терминологию «Афинской политики», мы отметили употребление в ней обозначения *οἱ ἐπιεικεῖς*. К внимательному изучению последнего мы сейчас и переходим.

Предварительно, однако, следует ненадолго остановиться на выражении *καλοὶ καγαθοί*, встречающемся в «Афинской политике» один только раз. Никий и Фукидид, по общему мнению, принадлежали к числу *καλοὶ καγαθοί* (28,5). Это выражение уже для Сафо (Anth. Lyr., Diehl, № 49) и Солона (там же, № 1, v. 39 sq.) было традиционным. Судя по стихам Солона, оно уже в его время служило для обозначения людей высокого социального ранга, безотносительно к их физическим (*καλός*) и нравственным (*καγαθός*) качествам. Современные Аристотелю ораторы подчеркивали нравственное содержание понятий *καλός* *καγαθός* и *καλοκαγαθία* (второй термин перестал в это время казаться необычным). Так поступает Исократ³⁸. Демосфен дает характеристику *πονηρία*; противоположна ей *καλοκαγαθία* (25,24). В речи о венце он говорит о *καλοκαγαθία* афинского государства, противопоставляя ей *κακία* Филиппа, который, будучи союзником византийцев, держал их в осаде — поступок безобразнее (*αἰσχρόν*) и отвратительнее (*μικρότερον*) которого ничего не может быть, тогда как афиняне, забыв свое справедливое неудовольствие против византийцев, старались их спасти (18,93). Демосфен вообще часто употребляет интересное нас выражение в значении обладателя высоких нравственных качеств, иногда проницая по адресу своих противников (*ὁ καλὸς καγαθὸς οὗτος* — с. Androt. 32,47; с. Timocr., 92; *Αἰσχίνη τὸν καλὸν καγαθόν* — De corona 306, cf. De falsa legat., 110). Аристотель, стоя на той же точке зрения, естественно, занимается этим понятием в своих сочинениях, посвященных этике. В «Эвдемовой этике»³⁹ он приходит к заключению, что *καλοκαγαθία* есть совершенная доблесть — *ἀρετὴ τέλειος* (VIII, 3, 1249a, 16). Опуская те места «Никомаховой этики», которые ничего не добавляют к этому определению, отметим лишь высказывание, согласно которому оказывается, что свойством *καλοκαγαθία* обладают *οἱ ἐπιεικεῖς* (X, 9,3, 1179b, 4 sqq.). В «Политике» вскользь сказано о том, что спартанские геронты получают свою должность в награду за доблесть — *ἀρετή*; здесь же они названы *καλοὶ καγαθοί* (II, 9, 15, 1270b, 24 sqq.). В действительной жизни, как указывает Аристотель в другом месте, о котором речь была выше, под *καλοὶ καγαθοί* (они же *γνώριμοι*) разумеют людей состоятельных (*εὐποροί*); поэтому и говорят, что в олигархиях власть принадлежит *καλοὶ καγαθοί* (VI (IV), 6, 2, 1293b, 37 sqq.).

В противоположность выражению *καλοὶ καγαθοί*, выражение *οἱ ἐπιεικεῖς* играет большую роль в «Афинской политике». Клеон был, по словам Аристотеля, первым простатом народа, не пользовавшимся доброй славой

³⁸ Isocr. Areop. 72; De permut., 100, 241, 316; Paneg., 78, 95; Euag., 74; De pace 133; Ad. Demon., 6, 13, 51; Nicol., 43 и др.

³⁹ Сомнения в подлинности «Эвдемовой этики» в настоящее время преодолены — см. P. Von der Mühl; De Aristotelis Ethicorum Eudemiorum auctoritate, Diss., Gött. 1909; стр. 42 сл.; E. Kapp, Das Verhältnis der Eudemischen zur Nikomachischen Ethik, Diss. (Freiburg i. B.), B., 1912, стр. 52 сл.; W. Jaeger, Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung, B., 1923, стр. 248; H. v. Arnim, Die drei aristotelischen Ethiken, «Sitzungsberichte d. Akademie d. Wissenschaften in Wien», 202, Abh. 2, 1924, стр. 3 сл.

у «порядочных» людей — *παρὰ τοῖς ἐπεικείοις* (28,1); в прежние времена во главе народа стояли люди «порядочные», *οἱ ἐπεικεῖς* (там же). Тем самым утверждается существование в Афинском государстве — по крайней мере с эпохи Солона и вплоть до времен Аристотеля — особой категории граждан *οἱ ἐπεικεῖς*. Нигде не сказано и из цитированных слов тоже не следует, что эта категория была господствующей, но из нее рекрутировались руководители афинских политических групп, начиная с Солона. Клеон был первым, но не последним, не принадлежавшим к числу этих «порядочных». Из изложения Аристотеля ясно, что перечисленные им исторические лица принадлежат к *γνώριμοις*, что они, по меньшей мере иногда, были *εὐγενεῖς* и *εὐποροί*. Все это не противоречит рассмотренным выше данным об *ἐπεικείοις*, имеющимся в «Политике». Не удивляет нас и сообщение о том, что не принадлежавший к «порядочным» Клеон, выступая с речами, нарушал общепринятые правила приличия: он кричал и бранился; при этом он был подпоясан, т. е. имел вид человека, не приведшего себя в порядок после физической работы. Все это — признаки человека невоспитанного, необразованного, которого нельзя было назвать *παιδευμένος* и, следовательно, также *ἐπεικείης*; ведь *ἐπεικεῖς*, как мы видели, должны были обладать *παιδεία*, т. е. образованностью (в соединении с воспитанностью).

Два места «Афинской политики», на которых нам следует остановиться, свидетельствуют о том значении, какое придавал Аристотель обозначению *ἐπεικεῖς*. Возьмем, прежде всего, речь Ферамена, в которой последний критикует политику Тридцати. Она была известна еще до нахождения «Афинской политики», так как содержание ее передает и Ксенофонт (Hell., II, 3, 19). Ферамен указывал между прочим на непоследовательность своих товарищей: они имели намерение приобщить к делам правления (сделать своими сообщниками) наилучших из граждан, но составляя список граждан, ограничили тремя тысячами, как будто в такое именно число обязательно уместятся все прекрасные и хорошие (*καλοὶ καὶ ἀγαθοί*), за этими пределами не может быть хороших людей и внутри этих пределов — дурных: *... ὅτι ἄτοπον δοκοίη... τὸ βουλομένους τοὺς βέλτιστους τῶν πολιτῶν κοινωνοὺς ποιήσασθαι τρισχιλίους (καταλέξαι), ὥσπερ τὸν ἀριθμὸν τοῦτον ἔχοντά τινα ἀνγκηὴν καλοὺς καὶ ἀγαθοὺς εἶναι, καὶ οὐτ' ἐξω τούτων σπουδαίους οὐτ' ἐντὸς τούτων πονηροὺς οἷόν τε εἶη γενέσθαι*. Имеется достаточно оснований думать, что Ксенофонт находился в Афинах во время правления Тридцати. Если даже он не слышал речи Ферамена непосредственно, то он во всяком случае узнал ее содержание из уст современников, а возможно, и свидетелей сенсационного выступления Ферамена, притом в ближайшее же время после произнесения речи. Слова *βέλτιστοι* и *καλοὶ καὶ ἀγαθοί* имеют все шансы быть подлинными словами Ферамена. Надо думать, они были характерными для той среды, которая поддерживала олигархическое движение — соратники Крития и Ферамена, разумеется, имели общий язык.

В другом положении по отношению к этой речи находился Аристотель. Он мог знать о ней только из письменного источника. Можно считать доказанным, что Ксенофонт не был основным источником Аристотеля даже для истории Тридцати, где местами констатируется некоторое сходство в сообщениях обоих авторов. Исследователи либо вообще отрицают близость между «Афинской политикой» и сочинением Ксенофонта⁴⁰, либо признают наличие некоторых точек совпадения между ними⁴¹.

⁴⁰ U. v. Wilamowitz-Moellendorf, *Aristoteles und Athen*, I, B., 1893, стр. 166.

⁴¹ Бузескул, ук. соч., стр. 221 слл.

таются демосом, не причисляются к εὑποροί, но признаются способными обладать свойствами, дающими право на причисление к ἐπιεικέις.

Вполне ясного решения вопроса мы не получаем и в «Афинской политике». По поводу Кимона сказано, что он был предводителем ἐπιεικέστεροι (26,1), тогда как ниже сказано, что οἱ ἐπιεικέις могли быть и из демоса и из состоятельных людей (εὑποροί). Сравнительная степень (ἐπιεικέστεροι) никакого нового оттенка с собой не несет — ведь признав противное, мы должны были допустить существование особой, один только раз отмеченной в «Афинской политике» группы ἐπιεικέστεροι, более высокой в моральном (и социальном?) смысле, чем просто ἐπιεικέις, и создали бы себе этим лишь новое затруднение при интерпретации социальной терминологии «Афинской политики» в целом. Тот же Кимон, который здесь является предводителем ἐπιεικέστεροι, ниже, в обзоре государственных деятелей, оказывается возглавляющим слой состоятельных людей εὑποροί (28,2). Противоречие в «Афинской политике» — явное, и наличие его можно объяснить только отсутствием окончательной отделки в трактате⁴². Следует, однако, отметить, что указанное противоречие вскрывается лишь сопоставлением далеко отстоящих одно от другого мест, так что не удивительно, что сам автор мог сразу не заметить его. Наоборот, ясно выраженная мысль о том, что в состав ἐπιεικέις входила и часть народа, вместе с частью состоятельных людей, — мысль, высказанная Аристотелем и в «Политике» (πένης μὲν, ἐπιεικέις δέ — II, 8, 7, 1273 b, 3), — не может быть результатом недосмотра.

Сопоставим это со стремлением Аристотеля не употреблять термина πολιτεία в том специфическом смысле, какой придается ему в «Политике». В обоих случаях можно усмотреть тенденцию к демократизации способа выражения. Не скрывая своих антидемократических политических воззрений, временами лишь вуалируя их (см., например, 22,4; 28,3; 40,3; 41,3 fin.), Аристотель старается обойтись без выражений, которые резали слух демократически настроенным читателям. Трудно было сделать приемлемой для афинского читателя (даже если он не был сторонником крайней демократии) книгу, в которой социальному слою, поставлявшему гоппитов, т. е. зевгитам, получившим уже в 457 г. доступ к архонтату, было бы отказано в возможности считаться ἐπιεικέις, да и Аристотель мог, не кривя душой, написать то, что он написал, так как он уже в «Политике» признал наилучшим видом демократии тот, при котором власть находится в руках земледельческого демоса.

В этой связи остается разобрать еще одно место «Афинской политики». Речь идет о плате, введенной для афинских судей Периклом. «Некоторые выдвигают обвинение, — говорит Аристотель, — что вследствие этого они (судьи) стали хуже, так как на жеребьевку всегда усерднее идут первые попавшиеся, нежели порядочные люди» — κληρονομήνων ἐπιμελῶς ἀεὶ μᾶλλον τῶν τυχόντων ἢ τῶν ἐπιεικῶν ἀνθρώπων (27,4). Такое же противопоставление порядочных и первых попавшихся οἱ ἐπιεικέις и οἱ τυχόντες, хотя и по другому поводу, мы встречаем в «Никомаховой этике» (I, 13, 13, 1102b, 10 sq.; IX, 9, 3, 1169b, 20 sq.).

К этому же сочинению Аристотеля нам следует обратиться для того, чтобы уяснить себе значение слова ἐπιεικής как социально-морального термина. Сначала, однако, необходимо убедиться в том, что это слово, довольно обычное в устах ораторов, не имело у них тех оттенков, какие оно приобрело в этических рассуждениях Аристотеля.

Слово ἐπιεικής было ходячей монетой в ораторской речи. Ораторы употребляют его, не испытывая потребности давать к нему разъяснения.

⁴² О незаконченности «Афинской политики» см. Бузескул, ук. соч., стр. 190 сл.

В сравнительно редких случаях они — отнюдь не в порядке объяснения непонятного, а для подчеркивания своей мысли — вставляют это слово в такой контекст, который позволяет нам, поздним читателям, делать заключения о содержании соответствующего понятия. При этом мы иногда встречаем простое противопоставление таким понятиям, как дурной, порочный⁴³ или первый попавшийся (Isocr., Ad Demon., 48). Кое-где ἐπιεικής наделяется более определенными качествами. Так, Демосфен считает признаком порядочности (σημεῖον τῆς ἐμῆς ἐπιεικείας), то, что против порядочного человека не может найти повода для обвинения даже человек, легко выступающий обвинителем против других (с. Mid., 207). Человеколюбие и порядочность права (τοῦ τρόπου ἐπιεικείας) побуждают человека действовать бескорыстно (Dem., XXXVI, 59). Доказательством порядочности (σημῆριον τῆς ἐμῆς ἐπιεικείας) является, по Исократу, известная ровность поведения в юности и в более зрелом возрасте: я не был хвастуном в юности и, став постарше, не был (поэтому) вынужден выражаться скромнее (De permut., 195). Многие, видя, какое дурное употребление делают из больших средств люди, обладающие ими, ставят перед собой вопрос, не следует ли предпочесть жизнь частных порядочных людей жизни властителей (Ad Nicocl., 4). При известных условиях даже раб может быть назван ἐπιεικής (Agor., 49). Изредка попадаются высказывания об ἐπιεικῆς, ἐπιεικεία, имеющие более близкое отношение к политической жизни. Демосфен обвиняет Лептина в том, что его закон делает бесполезной ἐπιεικεία тех людей, которые проявляют свое благородное честолюбие в благодеяниях государству (с. Lept., 155). Исократ, отдавая предпочтение замещению должностей с применением предварительного отбора кандидатов перед простой жеребьевкой, видит в первом способе то достоинство, что народ предварительно отбирает τοὺς ἐπιεικεστάτους, которые преданы существующему государственному строю, тогда как при жеребьевке решающую роль играет случай, благодаря которому часто должности достаются сторонникам олигархии (Agor., 23).

Рассмотрение этих и ряда других подобных мест у ораторов, а отчасти и у авторов, старших современников Аристотеля (Платон, Ксенофонт), приводит к выводу, что ἐπιεικής, ἐπιεικεία употреблялись до него и в его время в самом общем смысле для обозначения порядочного человека, порядочности, вследствие чего каждый мог подчеркивать в соответствующих понятиях то, что ему важно было выдвинуть в данный момент. Следовательно, всякий раз как мы сталкиваемся с возможностью дать более или менее точное определение интересующим нас понятиям, мы должны быть настороже, чтобы не принять окказиональное значение слова за общепринятое и общеизвестное.

Ничто не позволяет нам думать, будто Аристотель, занимаясь определением понятий ἐπιεικής, ἐπιεικεία, исходил из определений, данных кем-то до него. Как мы видели выше, в «Политике» устанавливается, что основным свойством ἐπιεικής является обладание ἀρετή. Более развернутые и более конкретные определения находим в «Никомаховой этике» и в «Реторике». В первом из этих произведений ставится вопрос об отношении между ἐπιεικεία и δικαιοσύνη, между τὸ ἐπιεικὲς и τὸ δίκαιον (V, 10, 1, 1137a, 31 sqq.). Автор высказывается в том смысле, что отличия по существу нет, но ἐπιεικής есть понятие более высокое (10, 2, 1137b, 10). Развивая свое положение, Аристотель настаивает на том, что τὸ ἐπιεικὲς есть не то справедливое, какого требует закон, а некое выправление того справедливого, которое заключается в законе. Дело в том, что

⁴³ Например, De m., De falsa legat., 32; Isocr., De permut., 164, 223, 286.

всякий закон формулирует свои нормы слишком общо, а о некоторых вещах нет возможности по-настоящему сказать в общей форме (об этом также — «Политика», III, 6, 13, 1282b, 4 sqq.). Закон в таких случаях дает общую формулировку, не будучи в состоянии дать формулировку правильную; он схватывает суть особенно часто повторяющегося действия, и нельзя отрицать, что при этом получают погрешности. Аристотель не выражает отрицательного отношения к этой особенности закона, так как погрешность присуща не закону и не законодателю, а лежит в самой природе дела.

На этом свойстве закона основывает Аристотель свое определение понятия τὸ ἐπιεικές: оно означает выправление закона в той части, где он оказывается недостаточным из-за своей направленности на общее — καὶ ἔστιν αὕτη ἡ φύσις ἡ τοῦ ἐπιεικοῦς, ἐπανόρθωμα νόμου, ἢ ἐλλείπει διὰ τὸ καθόλου. Относительно некоторых вопросов нет даже возможности установить закон и требуется постановление. Исходя из своего определения понятия τὸ ἐπιεικές, Аристотель в дальнейшем определяет, кто такие ἐπιεικεῖς и что такое ἐπιεικεία. Ὁ ἐπιεικὴς не использует тех возможностей делать дурное, какие открывает ему педантически узкое толкование закона; он — μὴ ἀκριβοδίκαιος ἐπὶ τὸ χειρὸν...καίπερ ἔχων τὸν νόμον βοηθόν. Ἐπιεικεία как свойство есть, в сущности, справедливость, а не что иное — καὶ ἡ ἕξις αὕτη ἐπιεικεία δικαιοσύνητις οὖσα καὶ οὐχ ἑτέρα τις ἕξις. То же рассуждение, но более кратко и с легкими модификациями, повторяется в «Реторике» (I, 13, 1374a, 25 sqq.).

Можно привести прямое доказательство того, что, работая над своей «Афинской политией», Аристотель находился во власти тех же мыслей, какими были продиктованы разобранные места «Никомаховой этики». Анализируя конституцию Солона и отмечая присущие ей демократические элементы, Аристотель указывает, что недоброжелатели Солона обвиняют его в сознательном умысле формулировать законы неясно с той целью, чтобы отдать окончательное решение спорных вопросов в руки судей, т. е. демоса (9,2). Возражение Аристотеля представляет собой очень сжатое резюме его рассуждения из «Никомаховой этики»: в общей форме невозможно охватить наилучшее — οὐ μὴν εἰκόσ, ἀλλὰ διὰ τὸ μὴ δύνασθαι καθόλου περιλαβεῖν τὸ βέλτιστον (там же). Таким образом, оказывается, что разросшееся впоследствии влияние судов на государственную жизнь Афин является результатом недобросовестного, с точки зрения Аристотеля, использования особенностей, присущих закону как таковому.

В другом месте, в обзоре афинских государственных деятелей, который делается под углом зрения принадлежности их к ἐπιεικεῖς (28,1), Аристотель дает апологию Ферамена, оценка политической деятельности которого вызвала большие разногласия. Противники Ферамена обвиняли его в том, что он губил любое государственное устройство. Аристотель же приписывает Ферамену способность заниматься политической деятельностью при любом государственном строе, как это подобает хорошему гражданину; всякий строй Ферамен стремился улучшить (πρόσχειν) до тех пор, пока тот не впадал в противозаконие, а противозаконному строю он противился, вызывая этим ненависть к себе. И здесь мы констатируем в основе ту же мысль: хороший гражданин (он же ἐπιεικὴς) использует в лучшую сторону открывающиеся перед ним легальные возможности.

Все государственные деятели до Клеона имели добрую славу у «порядочных» людей. Это значит, что они не только отличались хорошим манерами и соблюдали в своих выступлениях благопристойность, но и удерживали народ в известных границах. Аристотель не симпатизирует ни Фемистоклу, ни Аристиду, ни Периклу, но для каждого из них он находит какое-нибудь доброе слово. Пусть каждый из названных деятелей знаменует собой ка-

кой-нибудь этап в развитии неугодной Аристотелю афинской демократии, но только с Клеона ведет свое начало тот курс внутренней политики Афин, который привел в конечном счете к режиму IV в., когда демос посредством своих псефизм и судебных решений стал подлинным вершителем всех государственных дел (41,2). Именно Клеон «испортил» афинский народ своей необузданностью (28,3), а потому он и последовавшие за ним демагоги несут ответственность за то нежелательное, с точки зрения Аристотеля, направление, какое приняла в дальнейшем афинская государственная жизнь. Часть старинных законов, формально продолжая оставаться в силе, фактически перестала действовать (7,4; 8,1; 47,1); другая часть толковалась в самую дурную сторону, т. е. так, как этого не делали бы *οἱ ἐπεικτεῖς*. Таким образом, за высказываниями Аристотеля в «Афинской политике» мы ясно ощущаем присутствие его воззрений, изложенных им в «Никомаховой этике» и в «Реторике».

Достаточно красноречивы в этом отношении те места «Афинской политики», где ясно видна тенденция автора в определенных случаях не применять обозначение *ἐπεικτεῖς*. Например, представители того верхнего слоя, против которых были направлены реформы Солона, обозначены как *γυῶρμοι* и *πλούσιοι*. Они не могли быть названы *ἐπεικτεῖς* вследствие того, что их действия, по свидетельству самого поэта-реформатора, приведенному в «Афинской политике», представляли собой либо реализацию наилучших возможностей, какие предоставлял им закон, либо прямое нарушение законности: своих должников они продавали в рабство — *ἄλλον ἐκδίδως, ἄλλον δικάζων* (12,4).

Исократ и Аристотель говорят о том, что афинский народ после ликвидации правления Тридцати добровольно согласился участвовать в уплате лакедемонянам денег, взятых взаймы олигархическим правительством (хотя по договору каждая сторона должна была отдельно выплачивать свои долги). Исократ видит в этом акте прекраснейшее и величайшее проявление *ἐπεικτεῖα* афинского демоса (Areop., 68). Отзыв Аристотеля поражает своим хвалебным тоном. Поведение афинского народа в это время «Афинская политика» называет прекраснейшим и в высшей степени гражданственным (40,3). И тем не менее, высказывая свое явное одобрение политике восстановленной демократии, Аристотель воздерживается от употребления слов *ἐπεικτεῖς*, *ἐπεικτεῖα*, так как по отношению к демосу в целом они, с его точки зрения, неприменимы.

Подведем итоги. Наблюдения над политической и социальной терминологией «Афинской политики» приводят к следующим заключениям.

1. Только сравнительное изучение терминологии «Афинской политики» и других сочинений Аристотеля («Политики», «Никомаховой этики», «Реторики») дает нам возможность установить определенный взгляд на термины, употребляемые Аристотелем в «Афинской политике».

2. В своей научно-популярной серии «Политий» Аристотель избегал определений, а потому и не употреблял дискуссионных политических терминов. Поэтому термин *πολιτεῖα*, которым он свободно оперирует в «Политике» для обозначения определенного вида государственного устройства, исключен из «Политии». При этом были приняты во внимание и привычки широких читательских кругов, для которых то значение, какое вложено в термин *πολιτεῖα* в «Политике», было необычным.

3. Обозначения, употребляемые Аристотелем в тех местах «Афинской политики», где речь идет о высших слоях афинского общества, отличаются большим разнообразием. Все они принадлежат к числу ходячих для IV в., все они рассмотрены и проанализированы в «Политике». В большинстве случаев практически не оказалось возможным подобрать для каждого периода времени подходящий специфический социальный термин. К тому же

замысел Аристотеля, насколько мы можем судить, состоял в том, чтобы дать историю борьбы демократического начала со всеми противившимися ему социальными силами, без обязательной строгой дифференциации последних. Отсюда — пестрота и некоторая беспорядочность соответствующей терминологии.

4. Наибольшую разборчивость проявляет Аристотель в употреблении выражений *οἱ ἐπιεικεῖς, ἐπιεικεῖα*. Содержание, вложенное в них в результате аналитической работы, произведенной в «Никомаховой этике», «Реторике» и «Политике», обуславливает употребление их в «Афинской политике» в одних случаях и неупотребление в других. Самые слова были довольно обычными для читателя, и те значения, какие придавал им Аристотель, на первый взгляд, не казались резко противоречащими общепринятым значениям их. Это дало возможность Аристотелю свободно оперировать этими словами, незаметно для читателя внушая ему новое их понимание.

